

В.А. КОСТИН

Футбол и математика

3-е издание, дополненное

Воронеж 2019

Вам, кто родом из послевоенного футбольного детства, посвящаются эти строки.

Предисловие

Примерно лет сорок назад мы, уже тогда ветераны футбольной команды «Факел», расчищали эти площадки от пней и коряг для своего футбола.

Надо сказать, что в период расцвета «Факела» здесь тренировались известные футболисты: В. Папаев, В. Никонов, В. Лосев, В. Пимушин и другие.

Теперь же я часто гуляю в этом парке «Оптимист» Юго-Западного района и вспоминаю то время.

С этих слов и этой фотографии я начинал свои воспоминания, напечатанные в типографии ООО «Электрограф»

г. Воронеж в 2010 и 2012 годах под названием «Футбол и математика».

Позже активное внимание к этим воспоминаниям заставило автора несколько расширить и уточнить круг описываемых событий. В частности, пришлось более внимательно познакомиться с историей воронежского футбола.

И здесь решающую помощь оказал мой товарищ, болельщик с многолетним стажем, Ю.С. Рогулькин, подаривший книгу «Век футбола. 1908-2008» и познакомивший со спортивным журналистом Александром Гудковым. К сожалению, ранее я думал, что в нашем городе лишь одна команда «Факел», которая создана предприятием КБХА и ведущая свой отчет с 1961 года, когда были сыграны первые официальные матчи команды на первенство области. Но, после знакомства с монографией «Век футбола. 1908-2008» стало ясно, что произошла странная путаница, в результате которой оказались потерянными 18 лет из истории этой команды. Выяснение этого вопроса посвящается новый раздел.

Оказывается, что воронежский футбол в своей истории имеет не одну, а две футбольные команды с одним названием «Факел».

Первый «Факел», это команда 1961-1969, созданная любителями футбола знаменитой организацией КБХА, показавшая высокие спортивные результаты на уровне области, республики и всей страны среди производственных коллективов. Символом этой команды является ракетный факел – знак мировой значимости организации, создавший её.

Что же касается другого «Факела», то это искусственно созданная в 1976-1977 властями города и области с нарушением спортивных принципов команда мастеров, пусть достаточно высокого класса, но отношение к нашему

городу не имеющих. К ним относятся четверка футболистов, указанных в начале предисловия.

Вот что говорит В.Н. Скачилов («Век футбола» стр. 137) о наборе в эту команду находясь в Москве: «...мне даже выделили комнату в Управлении футбола, где в межсезонье я вел кадровый прием с 9 до 17 часов. Прошло около ста человек». Удивительно то, что, используя финансовую поддержку КБХА и бренд «Факел», новая команда не приняла его историю и символ. А дальнейшее увлечение успехами этой, чуждой для нашего города команды, стали причиной умалчивания об истинных корнях его создания.

Вторая часть посвящена полувековому пути автора как математика, выбранного им в результате проделанного «финта» в годы его юности. На этом пути автору посчастливилось подружиться со многими знаменитыми учеными и специалистами, активное сотрудничество с которыми было направлено на интересы, связанные с развитием нашего города и области. В их числе такие ученые как профессор С.Г. Крейн, участник ядерного проекта по созданию водородной бомбы и отдавший 45 лет жизни развитию воронежской математики; академик РАН В.П. Маслов неоднократный лауреат Государственных премий и создатель математической модели конструкции «колпака» на Чернобыльской АЭС, многолетний руководитель всеми воронежскими международными зимними математическими школами С.Г. Крейна (ВЗМШ); академик РАН А.Т. Фоменко, лауреат Государственных премий, бессменный председатель программного комитета ВЗМШ.

Особое место среди известных людей нашего города занимает человек многогранной деятельности С.Г. Валюхов, который официально внесен в когорту деловых людей

России, генеральный конструктор, генеральный директор АО «Турбонасос». Это единственное предприятие в нашем городе, занимающееся научно-техническими проблемами нефтегазовой промышленности. Кроме того, являясь профессиональным математиком и кандидатом в мастера по футболу, он активно поддерживает дружеские связи с спортсменами и учеными, оказывая спонсорскую поддержку при проведении как научно-математических, так и футбольных мероприятий.

Целью такого знакомства с этими замечательными людьми является желание автора убедить читателя и, в частности молодежь, в непротиворечивости увлечения любым видом спорта при выборе любой профессии.

Часть 1

1961г. п/я 20. «Факел»

«Чижовка» («чужовка») и первый футбольный мяч

Кому приходилось бывать на нашей воронежской «чужовке», тот знает, что она расположена на разного рода буграх, холмах и оврагах. Здесь я хотел придерживаться дореволюционного названия этого района (см. фото 1). Так его называли и во времена моего детства. От слова «чужие», т.е. не из центра. Что же касается официального названия «Чижовка», то от наших университетских историков я не услышал внятного объяснения такой замены топонимов. Но в дальнейшем я придерживаюсь официального названия Чижовка. Интересно заметить, что все улицы, извиляющиеся в трехмерном пространстве, здесь носят фамилии писателей: Чехова, Островского, Крылова, Успенского, Одоевского, Маяковского, Лескова - не район, а союз писателей. Вот на одном из таких бугров по улице Маяковского, д. 12 и была построена моим дедом по отцу И.А. Костиным однокомнатная времянка, в которую мы вернулись после эвакуации в 1946 году.

Фото 1

А у подножья именно нашего бугра, на бывших огородах, и было вытоптано так называемое футбольное поле. Ворота были обозначены разорвавшимися бомбами, похожими на кудрявые цилиндры.

Нас, пацанов от семи до одиннадцати лет, в разное время возвращавшихся после эвакуации, к весне сорок шестого собралось уже не мало.

Предоставленные сами себе (у многих не было отцов, матери работали, а мои родители еще не приехали из Казани, куда они были эвакуированы вместе с механическим заводом), мы искали развлечения на речке, в лесу, в блиндажах и окопах, где копали «медь» - немецкие патроны, которые сдавали за деньги в пункты утильсырья. Попутно находили многие другие виды оружия. Особенно опасны были мины, которые были оставлены во множестве и на них взрывались даже коровы. К великому сожалению, жертвами становились и многие наши ребята. Так, мой товарищ (Витек Косарев) в пятилетнем возрасте был ранен взорвавшимся в его руках запалом от гранаты.

Но вот однажды у одного из наших ребят, Вовки Пехова, появился настоящий футбольный мяч, хотя на самом деле он был волейбольным. Сшит он был как-то не так, как шьют теперь, а имел форму арбуза, но для нас он был настоящий футбольный. Принес его с работы Вовкин отец дядя Коля, инвалид войны, работавший на приемном пункте утильсырья.

Ребята, вернувшиеся в Воронеж раньше меня, уже знали, что такое футбол. Я же не только этого не знал, но даже никогда и не видел ни футбольного, ни волейбольного мяча. В Русской Журавке, где я жил во время войны с бабушкой, видел лишь маленький черный резиновый мячик, который умещался в ладони, и который бабушка называла «мечкой». Но такого... Я был потрясен. Он показался мне

волшебным. Как он прыгал, летал, катался! Мне не хотелось его выпускать из рук.

*Витек Косарев, Ленчик-Татар и я
(1950)*

Началась игра. И никому в голову не приходило (в первую очередь, мне), что я не имею никакого представления об этой игре, что у нее есть какие-то правила. Я даже не знал, что нужно разделяться на две команды, играющие друг против друга, что играть можно только ногами, корпусом и

головой. Что есть какие-то ворота и какие-то голы. Я просто бегал за мячиком. И если он улетал далеко за пределы поля, то для меня не было большего блаженства, чем бежать за ним и держать его в руках или под мышкой. Одним словом, я был подобен какому-нибудь щенку или котенку, резвящемуся с клубком ниток. Не знаю, как закончилась эта игра, да ее результат меня и не интересовал. Интересен мне был только мяч. Может быть, моя игра была больше похожа на регби.

Игра закончилась с наступлением темноты...

На следующий день мы снова настроились поиграть. Но к нашему великому разочарованию, игра не состоялась, так как Вовке не разрешили больше выносить мяч.

Потом ребята заменили его подушкой, набитой тряпками. Это было не то, что меня интересовало. Однако это позволило сосредоточиться на самой игре и ее правилах и нюансах, которые я так же любил.

Нешуточные футбольные страсти к этому времени разгорелись в нашем городе в связи с успешным выступлением футболистов московского «Динамо» в Англии. Появились комплекты открыток-фотографий, где были запечатлены интересные моменты этих игр, закончившихся общим счетом 19 : 9 в нашу пользу.

С замиранием сердца любовался я атаками Всеволода Боброва и бросками Алексея Хомича, названного англичанами «русским тигром».

Приобретение настоящего футбольного мяча стало нашей целью. В 1946 году в Воронеже был только один спортивный магазин «Динамо», расположенный рядом с кинотеатром «Спартак», который еще до конца не был восстановлен после войны и в него легко было проходить без билета («хилять»), кстати, за это мы его и любили.

Перед сеансом же, зайдя в магазин, мы любовались спортивным инвентарем и картиной с изображением футбольного вратаря в форме «Динамо» и центрального нападающего в форме ЦДКА.

Здесь-то мы и познакомились с этими мячами, из которых самым подходящим был для нас кирзовый волейбольный мяч за 25 рублей (в ценах до реформы 1947 года). Лелька, младший брат моей матери, был на пять лет старше меня и как бы осуществлял некоторое шефство надо мной. Он предложил на покупку мяча собирать деньги, полученные от сдачи немецких патронов («меди»). Чем мы и занимались все лето до начала занятий в школе.

Первого сентября 1946 года в первый класс средней школы № 12 отдала меня бабушка Дуня, так как отец и мать были еще в Казани.

К моменту Денежной реформы 1947 года наши накопления составляли 35 рублей мелочью. 30 рублей Лелькиных и 5 рублей моих, т.е. 3 рубля и 50 копеек после реформы.

Мяч мы купили весной 1947 года. Нашему счастью (по крайней мере, моему) не было предела. По существу, хозяином этого мяча был Лелька, но я однажды попросил, чтобы он полежал некоторое время у меня, что и привело к драме.

К этому времени мои родители вернулись из Казани. Отец был абсолютно равнодушен к спорту (в отличие от матери, которая до войны имела какие-то успехи в соревнованиях по бегу и, по ее словам, даже получила в качестве приза отрез на платье).

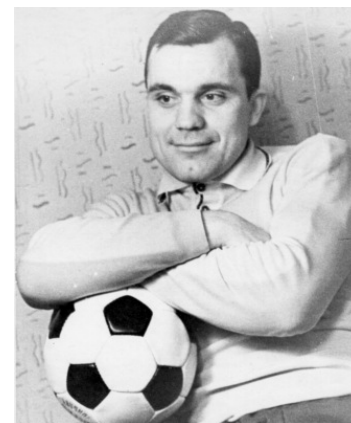
Что же касается футбола, то отец вообще его терпеть не мог, хотя не имел ни малейшего представления об этой игре. О чем говорит, например, лишь один такой факт: уже будучи много лет на пенсии, лет через сорок после описанных событий, задержав взгляд на экране телевизора, транслирующего матч, он, покачивая головой и показывая на ворота, не без ехидства вдруг спросил: «Это что, они сюда загоняют футбол?» Футболом он называл мяч.

Так вот, в тот злополучный день, увидев купленный нами мяч, он буквально пришел в ярость и с криком «Разрублю!» кинулся в сарай искать топор. Удивительно, что пришла ему мысль именно о топоре, но она оказалась спасительной, так как за его спиной в одном шаге лежал сапожный нож. И если бы он его увидел, то конец! Но в поисках топора он на секунду положил мяч на верстак. Этого времени было достаточно, чтобы я впервые, пойдя против воли отца, с криком, что это не мой, схватил его и побежал.

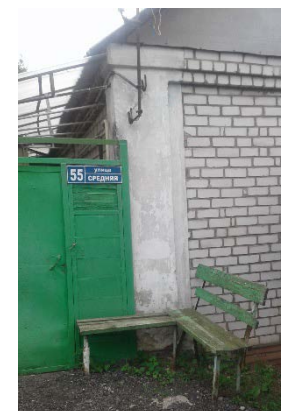
Отец догнал меня, но мяч рубить не стал.

Да, мой отец не понимал футбольной стихии, захватившей наше послевоенное детство. И возможно это была основная причина того, что я не посвятил свою жизнь футболу. Но, как же отрадно сознавать, что именно наше «чижовская футбольная стихия» зажгла звезду и гордость

нашего воронежского футбола Владимира Проскурина, родившегося сразу после войны в районе известного Чижовского плацдарма на улице Средней.

В.Г. Проскурин

Лучший бомбардир в истории воронежского футбола Владимир Григорьевич Проскурин (1945 г.р.). Воспитанник воронежского футбола. Мастер спорта СССР (1967). Игрок олимпийской сборной СССР (1969-1970), Воронежского «Труда», «Факела». В настоящее время проводится ежегодный областной юношеский турнир на призы В.Г. Проскурина.

Об уровне мастерства В. Проскурина говорит футбольный шедевр, запечатленный на этом снимке.

До этого, так сыграл Пеле.

Русская Журавка

1941 год. Осень. Война. Воронеж накануне оккупации. Идет эвакуация предприятий города. Завод им. Сталина (ныне механический), где работал мой отец, Алексей Иванович Костин, эвакуируется в г. Казань. С ним едет и моя мать, Александра Сергеевна Костина (Кортунова), будучи на седьмом месяце беременности (в г. Казани родилась моя сестра Нина). Меня же как безнадежно больного (по мнению врачей и всех окружающих) в возрасте двух с половиной лет везет в свое родное село Русскую Журавку Верхнеамонского района моя бабушка по отцу, Евдокия Степановна Костина. Как потом она говорила, с одним желанием, чтобы я дотянул до Р. Журавки. До Журавки я «дотянул». Там-то и вылечила меня бабушка.

Случилось же так что, уезжая за 200 км от жестоких боев на Чижовском плацдарме, мы оказались в районе, где произошла важная боевая операция, названная И.В. Сталиным «Малый Сатурн». В которой была уничтожена 8-я итальянская армия.

Всю войну я прожил в Русской Журавке.

После голодной зимы 1946-1947 годов дедушка и бабушка уехали в Русскую Журавку на постоянное проживание в ту самую хату, где мы жили во время войны. Летом 1950 года меня с сестрами отправили туда на каникулы.

В этом году я получил начальное образование, закончив четвертый класс, надо сказать, довольно успешно. Из четырех экзаменов получил три пятерки и одну четверку («намазал» и небрежно оформил письменную работу по математике). Впрочем, это не волновало моих родителей. На родительские собрания они не ходили (работа, некогда), а при плохих успехах меня, как и моих сверстников, автоматически ожидало ремесленное училище. Так что учился я, можно сказать, на свой вкус, который, как известно, формируется улицей. А улица эта - «чужовка». То есть уголовный район.

Но мне повезло. Рядом со мной оказался удивительный парень, брат моей матери (то есть дядя). Был он старше меня на пять лет. К окончанию войны прошедший, что называется, «огни и воды». Побывал в оккупации, так как моя бабушка по матери, Фекла Михайловна Картунова, с пятью детьми не успела уехать из Воронежа. Ленька (все звали его Лелька) был отчаянный парень - авторитет в своей возрастной группе, но, как говорится, знал меру. Хотя, бабушку он слушался плохо. Война не позволила ему нормально учиться в школе, и «семилетку» пришлось заканчивать по вечерней форме. Не помню, закончил ли он ее. Однако из всех парадоксов его характера особенно выделялся один - фанатичная любовь к чтению. Отыскав частную библиотеку (оказывается, была такая в районе «Гусиновки», примерно там, где теперь находится главный корпус ВГУ), он ночи напролет посвящал чтению книг. В уцелевшем после войны бабушкином доме была русская печь, она-то и

являлась читальней. О Лелькиной эрудиции по истории, литературе, искусству можно было судить по его беседам с еще одним моим замечательным родственником, Петром Антоновичем Бреховым - мужем двоюродной сестры моей матери Александры Федоровны. Бывший офицер, потерявший во время войны глаз, он учился в то время на заочном отделении исторического факультета ВГУ.

Это был человек, влюбленный в литературу, собиратель книг. Думаю, что и теперь его библиотека остается гордостью его сыновей и внуков.

*П.А. Брехов (слева)
и Л.С. Картунов (Лелька)*

Так вот, беседы этих двух интересных и разных людей в условиях послевоенного патриотического настроения, по существу, и формировали мой вкус к образованию. Кстати, Петр Антонович первым обратил внимание на мои способности в рисовании. Однако в то время на первом месте у меня был все же футбол. В общении с моими сверстниками, разумеется, были и другие, «сомнительные», соблазны. Так, если с двумя Витьками, Косаревым и Черкасовым, я занимался рисованием, то «Ленчик-Татар», укравший у нас облигации, мог привить и другие вкусы. Понимая это, родители отправили меня на лето в деревню, подальше от них, хотя бы на каникулы.

В это лето я ехал в Журавку без особого оптимизма - не хотелось расставаться с футболом и речкой. Что касается речки, то ее в Журавке нет, и не было. Но, слава Богу, ее заменил пруд. А вот насчет футбола мы с отцом ошиблись.

Разница только в том, что я ошибался счастливо. Случилось так, что мне пришлось оказаться у истоков Русско-Журавского футбола.

Как я уже говорил, это было лето 1950 года. Ничто не предвещало футбольных страстей в первые дни после приезда. Более того, у меня сложилось впечатление, что здесь никто не слышал об этой игре. К тому же, я сразу попал в круг подруг моей сестры Нины, которая была тремя годами младше. У них была маленькая, размером с теннисный мячик, упомянутая выше «мечка», которой они играли только руками. Разумеется, для меня такие игры не подходили. Но иногда с этим мячиком я оставался один на один. И тогда, что называется, отводил свою душу. Жонглировал, бил в высоту, в стены хаты, двери погреба, в пирамиды сушившихся во дворе кизяков. Но все это было без партнеров.

И вот однажды, в одно из воскресений, в клуб привезли кинофильм «Константин Заслонов», на просмотр которого собралась вся молодежь Русской Журавки. После окончания фильма я обратил внимание на группу ребят, несколько старше меня, в разговоре которых я услышал слово «мяч». А через некоторое время появился и парень с этим мячом. Был этот мяч резиновый, но большой, с красно-синей раскраской и белой полосой по «экватору». Позже я узнал, что этот мяч принадлежал сыну директора школы. Но так как его сын был еще маленький, то директор давал школьникам в него поиграть. С замиранием сердца я спросил, не в футбол ли ребята собираются играть. После утвердительного ответа ребята охотно приняли меня в одну из своих команд.

Несмотря на некоторую разницу в возрасте (я был моложе года на три-четыре), мы сразу подружились. Это были очень порядочные ребята. Они хорошо учились в школе. А

после ее окончания все поступили в высшие учебные заведения. Уверен, что русско-журавская средняя школа может ими гордиться. Я же на всю жизнь сохранил к ним чувство благодарности за нашу дружбу. Вот наиболее близкие мне имена: Виктор Павлович Ачкасов (в том году он окончил 8 классов) и Виктор Петрович Ачкасов. Эти двоюродные братья фанатично полюбили футбол. Первый (Павлович), закончив Московский институт стали и сплавов, остался жить и работать в Москве и был болельщиком команды «Торпедо». Петрович же после окончания физико-математического факультета Воронежского пединститута посвятил себя работе учителем математики в селе Меловатка Калачевского района нашей области и болел за команду «Спартак». Главной же гордостью этой семьи безусловно является сестра Виктора Павловича, Александра Павловна, в замужестве Бирюкова - известный партийный и государственный деятель в СССР, которая являлась секретарем ВЦСПС, заместителем председателя министра СССР, секретарем ЦК КПСС.

Любопытным человеком был дядя В.П. и А.П. Иван Наумович Ачкасов. Как профессиональному плотнику ему пришлось в конце 30-х г, когда громили церкви, снимать колокол с Русско-Журавской церкви. Дело это было не безопасное, так как при этом разбился его напарник. Между прочим, осколок от того колокола, килограммов два весом теперь хранится у меня. Его принес мой дядя Петя, бывший в то время школьником. В 1941 году он погиб под Москвой. С Иваном Наумовичем связан следующий анекдот. Наблюдавший за здоровьем стариков в деревне медсестра посоветовала ему есть не более полтора яйца в неделю, на что он озабоченно спросил: «А куда же девать оставшуюся половинку?»

Футбольное поле было выбрано на том месте, где теперь стоит средняя школа. Делом пяти минут были перевод в другое место телят и козлят, пасшихся там, и обозначение камнями ворот (настоящих ворот тогда еще не было). Играли босиком. Никто из моих новых знакомых не видел бутсы, и я им рассказывал, что у каждого вида спорта есть специальная обувь. Например, в легкой атлетике - шиповки с острыми металлическими шипами. Они насторожились и переспрашивали: «А в бутсах тоже шипы острые?»

По ходу игры выяснялось, что и футбольные правила они знают лишь в таком объеме: нельзя брать мяч руками и необходимо играть команда на команду. Во всем остальном, правила трактовались вольно, включая и удары по ногам. И в этом смысле на первых порах мне доставалось. Правда, нарушения подобного рода были без злого умысла, скорее от их неумелой «корявости». Зато, не имея понятия о технике владения мячом, они быстро бегали и играли самозабвенно. Мне же нравилась игра техничная, и, для своего возраста неплохо владея мячом, я легко обыгрывал их индивидуально - как говорится, «проверял между ног», жонглировал и так далее. Мои новые знакомые с доброжелательным интересом наблюдали за этими фокусами. Спрашивали, не играю ли я в детской футбольной команде, и сильно удивлялись, что в футбол мне запрещает играть отец. Удивлялись, может быть, еще и потому, что о своих отцах, не вернувшихся с войны, они знали не более, чем о футболе.

С этого дня пруд и футбол стали основными моими занятиями. Правда, было еще одно любимое место - библиотека.

В следующем году я уже с нетерпением дожидался поездки в Журавку. И именно этот, 1951 год, стал ключевым и самым интересным в русско-журавском футболе. Дело в

том, что в этом году вернулись из армии молодые фронтовики 1926-1927 годов рождения, знавшие эту игру и поигравшие в нее. Заводилой у них стал Володя Переверзев - двадцатипятилетний красавец, моряк, участник войны. Я и теперь вижу его выводящим команду на первую, так сказать, официально-товарищескую игру с командой Верхнего Мамона. Обут он был в солдатские ботинки, гетры заменяли довольно длинные шерстяные носки. Толстые обложки книг являлись щитками. Он играл центрального нападающего (девятку). Позже, когда я услышал о легендарном венгерском нападающем Ференце Пушкаше, долгое время запрещенном в нашей стране, то я представлял его в образе Володи Переверзева.

Игра же проходила на свежеразмеченном футбольном поле с настоящими воротами, почему-то оказавшимися на целый метр уже стандартных. И размер этих ворот сохранился в Русской Журавке еще многие годы. Надо отметить, что команда наших соперников была одета в настоящую футбольную форму с гетрами и бутсами (все же районный центр!)

В.Н. Черных

Из того состава Журавской команды безусловно надо отметить Владимира Николаевича Черных - ее отца-основателя. Он был по возрасту (1920 год рождения) самым старшим. Участник двух войн: советско-финской и Великой Отечественной. Демобилизованный в 1944 году в связи с тяжелым ранением, он занимал в средней школе должность военрука. Несмотря на то, что в нем еще «сидел» осколок, он фанатично занимался спортивными делами,

среди которых футбол занимал основное место, в котором он исполнял роль центрального защитника. Первым же вратарем был Петр Авдеев (не помню, к сожалению, отчества) по кличке «Петя-зуб», лесничий. Эта команда еще действовала и в следующем 1952-м году, но уже в «разбавленном» некоторыми подростками-школьниками виде (Н. Иншаков, братья Ачкасовы, В. Шаталов).

С лета 1953 года команда состояла только из школьников, некоторые из них стали выпускниками. В эту команду уже входил и я. А так сказать, по совместительству у меня была еще весьма почетная должность футбольного сапожника (в прямом смысле). Мой дедушка Иван Алексеевич был известным в Журавке сапожником, как говорила бабушка, «чеботарем», поэтому он располагал всеми необходимыми инструментами для починки порванных, а других не было, мячей. Между прочим, я у него научился сучить дратву, смолить ее, даже вставлять в нее щетину. О важности последней операции говорит и тот факт, что она описана в энциклопедии.

Воскресенья были наиболее запоминающимися днями, именно в эти дни проводились товарищеские встречи по футболу с командами других сел. Да и вообще, в Русской Журавке воскресенье являлось истинным праздником, где по традиции еще с царских времен шумели большие базары, на которые сходились и съезжались (разумеется, на быках и лошадях) торговать и покупать жители со всех ближайших сел: Морозовки, Мамоновки, Семеновки, Хрещатого. Там жили и теперь живут хохлы, славящиеся своими великолепными садами. Поэтому они торговали фруктами и овощами, что составляло их основной источник дохода. А Русская Журавка славилась ремеслами, где были кузнецы, жестянщики, сапожники, печники, валяльщики валенок, плотники и стекольщики.

К воскресному празднику готовились. Пекли душистый ржаной хлеб. Бабушка по субботам мазала земляной пол нашей хаты и подбеливала стены и печку. Дедушка ранним воскресным утром, часов в шесть, шел на базар купить, как он говорил, «мясушка» к празднику или фруктов у хохлов. Мы ходили на базар позже, при этом было принято надевать праздничную одежду.

Так как мы жили в центре села, то могли наблюдать красочное шествие народа на это мероприятие. Базар расходился к середине дня.

По воскресеньям мы не завтракали, но зато обедали пораньше, часов в двенадцать. Обязательно готовилось праздничное блюдо, например, борщ с мясом или молочная лапша. Для меня важность этого праздника усиливалось счастливым ожиданием футбольного матча.

Так, вплоть до окончания школы (1956 год), все три летних месяца каждого года меня интересовал только футбол.

СХИ

Проучившись в средней школе № 12 города Воронеж, как говорится, «от звонка до звонка», я благополучно окончил ее в 1956 году, хотя здания школы менялись. С 1946 по 1950 годы мы учились в том здании, где теперь находится школа № 13, в районе Механического завода, тогда третий и четвертый этаж занимала женская школа № 13, а первые два этажа - наша 12-я. С 1950 года ее перевели в новое здание на улицу 20-летия Октября, где она находится и сейчас, возле Строительного университета.

Куда поступать учиться дальше? Какой специальности посвятить свою жизнь? Вот вопросы, с ответами на которые мне надо было определиться в ближайшее время.

В.И. Филатов

Надо сказать, что в школе я довольно серьезно занимался рисованием и даже живописью, посещая с пятого класса изостудию под руководством скульптора и художника Дмитрия Андреевича Колосова и своего школьного учителя рисования Василия Ивановича Филатова. Других учебных заведений по изобразительному искусству, ни средних, ни тем более высших в Воронеже не было.

Отсюда, нашими «лучами света» были только Дворец пионеров на улице Карла Маркса и Музей изобразительных искусств, в то время он еще не носил имени И. Н. Крамского.

Здание Дворца пионеров, сохранившееся после Отечественной войны, было варварски разрушено в первые же дни «перестройки». На его месте сооружен «памятник» идиотизму в виде удушающего скопления бетонных строений с

офисами и квартирами для «перестройщиков», считающих исторический центр города, да и историю культуры вообще, неподходящим деликатесом для их хамско-потребительского нутра.

Что же касается музея, играющего основную роль в воспитании нашей духовности, то он сильно потускнел в связи с «раскручиванием» роли церкви.

Так что, если бы выбирать специальность по душе, то я бы отдал предпочтение именно изобразительному искусству. Но, реально оценивая свои силы, я чувствовал, что в среднее учебное заведение этого профиля, типа художественного училища в Бутурлиновке, я бы поступил. Пытаться же поступить в художественные вузы Москвы или Ленинграда было нереально.

Оставались три формальных варианта вузов города Воронежа: Сельхозинститут (СХИ) - факультет механизации, Строительный институт (ВИСИ) - все равно какой факультет, Государственный университет (ВГУ) - не обязательно физмат. К математике я относился с пониманием, но спокойно. Как любящая женщина, она не мешала моим увлечениям живописью и футболом. А учили меня прекрасные педагоги: Нина Максимовна Денисова (6-8кл) и Зоя Никандровна Борщевская (9-10кл). Не имея по этому предмету троек, я весь необходимый материал усваивал после их объяснения. Однако представление о математике и о математиках как о «сухарях», чуждых человеческим слабостям, имело место и тогда. Но как показало время, в нашей школе математике в то время учили добротнo. Об этом, например, говорит и такой факт, что выпускниками школы являются многие известные профессора, доктора физико-математических наук, среди которых и генеральный конструктор КБ «Химавтоматика» Рачук Владимир Сергеевич.

Н.М. Денисова

З.Н. Борцевская

В настоящее же время пресловутое тестирование в рамках ЕГЭ узаконило это отношение (к математике), уничтожая творческую и духовную составляющие этой науки. Не исключено, как выражается «Литературная газета» (№31 от 29.07.2009) в статье «Среднеклассовые», это делается с целью «заменить творческие и подвижнические мотивы на шкурные». В связи с ЕГЭ вспоминается старая шутка про маляра, который не думал, а соображал.

После того как выяснилось, что только СХИ располагает стадионом с футбольным полем, я определился с выбором. Его поддержал и отец. Дело в том, что в те годы не было вузов типа политехнического или технологического,

*Воронежский сельскохозяйственный институт
Здание СХИ*

готовивших специалистов для развивающейся в городе промышленности, и их функции выполнял механический факультет СХИ. Отец, не имея высшего образования, приводил в пример своего товарища по механическому заводу А. Зона (отца известного ныне профессора ВГУ Бориса Абрамовича Зона), работающего заместителем начальника цеха после окончания СХИ. Итак, мой выбор устраивал всех - и мать, и отца, и «молодца». Быстро собрав соответствующие документы, я по почте отправил их в приемную комиссию. Сам отбыл в Русскую Журавку до вступительных экзаменов. Слава Богу, документы через две недели комиссия получила, о чем и сообщил в письме мой отец.

Между тем подошло время экзаменов. Их было четыре: сочинение, математика, физика и химия. Так как в этом году произошло сокращение армии, то конкурс оказался более десяти человек на место. Причем - солдаты, в особенности участники Отечественной войны, шли вне конкурса. Правда, они были плохо подготовленными, а может быть, и вообще не подготовленными. Тем не менее, для школьников проходной балл оказался равен восемнадцати. То есть можно было потерять только два балла. Именно их я отвел на сочинение, потому что писал я с описками (да и теперь пишу), а в их количестве я не был волен.

Выбрав свободную тему о поэзии Маяковского, по которой в школе делал даже доклад, я после сдачи сочинения вдруг обалдело засомневался, а правильно ли я написал фамилию поэта, через «а» или через «о». И это после того, что я родился и жил на улице Маяковского. На этот вопрос я и по сей день не знаю ответа, но запланированные три балла получил. Оставшиеся экзамены так же были сданы в соответствии с моими расчетами. Хотя на химии пришлось поволноваться. А случилось следующее. Обычно я старался заходить в аудиторию с первой группой, так же собирался

поступить и на этот раз. Экзамен начинался в девять часов. Я уже находился у дверей, когда неожиданно появился один мой знакомый, закончивший недавно СХИ и знавший многих преподавателей. Он остановил меня со словами: «Подожди. Экзамен принимает Львова, ее строгость соответствует фамилии». И с обещаниями что-нибудь придумать куда-то сбежал.

Я начал ждать. Наконец, через какое-то время послышался скрип новых туфель, которые тогда называли баретками, и их скрип считался шиком. Мой знакомый опять советует: «Подожди».

Жду. Из аудитории выходят и выходят абитуриенты. Оценки: «три», «два», «три» ... А мне нужно «пять». Никого нет. Советчик мой исчез. Открываю дверь. Львова осталась одна и собирает в конверт билеты. «Молодой человек, экзамен закончен. Где вы были?» «У меня заболел живот». «Ну, ладно, берите билет и задачу». Она посадила меня за свой стол, напротив. Как ни странно, но я перестал волноваться. К тому же мне повезло - задачу решил сразу. Ответ на вопрос тоже знал. Разговор наш продолжался не более 10 минут. Львова поставила «пять», и я стал студентом СХИ.

Однако мои надежды на немедленное участие в футбольной жизни института не оправдались, так как сразу после зачисления нас послали в колхоз на уборку свеклы. Та группа, в которой из школьников был я один, оказалась в свеклосовхозе «Пугачевский» Анненского района.

Разместили нас в бараке. Спали на полу. Работа заключалась в выкорчевывании специальными копачами (по существу - металлическими штырями) семенной свеклы. Кто сталкивался с этим, тот знает, что по применяемой технологии семенная свекла должна оставаться в земле на зиму. На следующий уборочный год ее ботву вместе с созревшими семенами скашивают. Свекла остается в земле разросшаяся

и укрепившаяся. Основная проблема заключается в том, что засохшие на солнце остатки скошенных стеблей, торчащих «букетом» заостренных прутьев, при вытаскивании свеклы, до крови ранят руки даже через рукавицы. Мои сокурсники, будучи на много лет старше меня и немало испытывавшие, к такому труду относились спокойно. Для меня же эти первые институтские уроки казались пыткой. И хотя я не жаловался, служившие ребята иногда подтрунивали надо мной, намекая, что я сын какого-нибудь начальника, не приученный к труду (трудом считался только физический), а иначе как можно при таком конкурсе сразу после школы поступить на престижный факультет?

Вообще-то, на нашем курсе из 250 (два потока по 125 человек) было не более тридцати студентов, которые поступили непосредственно после окончания школы. О престижности факультета механизации говорит и тот факт, что со мною учились дети довольно высокопоставленных персон нашего города Воронежа. Володя Белобородов - сын генерала армии Белоборова, в то время командующего Воронежским военным округом, Женя Подобедов - сын известного писателя Подобедова. Мой друг Толя Белко был сыном заместителя председателя облисполкома.

Кстати, с Толиком мы сдружились после одного забавного случая. Как-то еще путем не зная друг друга, объединяясь по возрасту, мы во время перерыва попытались заигрывать с девчонками с экономического факультета в то время, когда по коридору важно шествовал заместитель директора института (тогда в СХИ не было ректора) Петр Николаевич Жидков. Был он довольно амбициозным человеком, держался значительно, мне же нравились его туфли - югославские, стоимостью 40 руб., на «манке» (толстой каучуковой белой подошве) - мечтой всех стилинг. И вот, во время нашей попытки к знакомству с девчонками, нами

была пересечена траектория движения Петра Николаевича, причем метрах в двадцати от него. Реакция была соответствующая. Он покраснел, вынул правую руку из-за спины и пальцем подозвал нас с Толиком к себе: «Вы как себя ведете, молодые люди. Где ваши удостоверения?». Конечно, речь шла о студенческих билетах. Я же, прикинувшись, как теперь говорят «шлангом», сказал, что никаких удостоверений мне не давали. Толик же сказал, что билет у него в аудитории.

Тогда Петр Николаевич с возмущением приказал всей нашей группе зайти в аудиторию, судя по всему для «разноса». По школьному опыту я надеялся, что наши товарищи будут за нас заступаться. Случилось же противоположное. Наши сокурсники, являясь членами партии, или ее кандидатами, начали утверждать, что мы вообще отличаемся недисциплинированным поведением. Я опешил. Тем временем Жидков знакомился со студенческим билетом Толи. Вдруг он резко перешел на нашу сторону и начал убеждать наших критиков, что мы ребята молодые, неопытные, и конечно, исправимся. Вот так фамилия заместителя председателя облисполкома спасла меня от самодурства на этот раз.

Что же касается нашего пребывания в «Пугачах», как этот совхоз называли местные жители, то оно закончилось в середине октября.

Конечно, по возвращении я сразу записался в футбольную секцию. Тренером был известный специалист по хоккею с шайбой и по футболу Михаил Гаврилович Калашников, закончивший Ленинградский институт физкультуры им. Лесгафта. М.Г. Калашников также был играющим тренером в хоккейной команде мастеров «Динамо», игравшей на первенстве СССР во второй группе.

Так как футбольный сезон закончился, то команда занималась по хоккейной программе. Было очень интересно

впервые тренироваться под руководством профессионального тренера.

Воронеж. Стадион Динамо. 1958 г.

Первый слева М.Г. Калашников, далее я и справа первый вратарь хоккейной команды мастеров «Динамо» Борис Черняев

Учебные дела у меня складывались нормально. Правда, не все лекции я посещал, но мне нравилось заниматься черчением и особенно начертательной геометрией, где надо было чертить цветной тушью. Здесь я даже помогал своим товарищам, делая иногда за них задания.

Мне нравились также и занятия по истории КПСС. Лекции и семинары у нас вел Валентин Иванович Логунов (в то время доцент, а позже - ректор Педагогического института). Семинары проходили довольно живо. Тон здесь задавали старики-партийцы, выступающие с разного рода примерами из армейской жизни. Особенно запомнились выступления Валентина Петровича Чернышева (Петровича).

Во время войны он служил во флоте, был старшиной первой статьи и даже был партработником. Плюс ко всему, он был прекрасным человеком. Все мы с интересом слушали его рассказы, например, об их встрече с американскими моряками. Это все равно, что услышать теперь рассказ очевидца о встрече с инопланетянами. Из молодых наиболее активным был Владик Фролов (его все звали «Василич»), Его мать, председатель колхоза в с. Шишовке Бобровского района, была членом делегации в поездке Н.С. Хрущева в Индию. Желание Фролова победить США в экономическом соревновании было настолько сильным, что каждый раз он с пафосом утверждал: «Мы догоним и передогоним Америку». Валентин Иванович поправлял: «Перегоним». Василич соглашался, но через несколько фраз все повторялось.

К математике я продолжал относиться так же, как в школе. Старался все усваивать на практических занятиях, которые вела замечательный, доброжелательный педагог Ирина Аполлинариевна Шошина. Позже как-то она сказала, качая головой: «Костин, ну почему с такими способностями вы так легкомысленно относитесь к учебе?». Я же преследовал лишь одну цель - сдать на стипендию. И это мне удавалось.

Тут надо сказать, что на занятиях, в особенности на лекциях, во мне воскресла старая «болезнь» - любовь к рисованию.

Аудитории в главном корпусе СХИ просторные, амфитеатром, «модели» прекрасно освещены и художника не замечают. Я, кажется, перерисовал всех наших лекторов, отдавая рисунки ребятам, для меня же был важен процесс. И вот однажды произошел случай, о котором я жалею всю свою жизнь. У нас занятия по политической подготовке на военной кафедре проводил сам заведующий, генерал-майор

Козак. В генеральской форме смотрелся он весьма колоритно, и я не удержался, чтобы не нарисовать его. Занятия проводились не поточные, а групповые, в небольшой аудитории, где каждый студент, что называется, «на глазах» у преподавателя. Генерал не был исключением, обратив внимание на мои не в меру пристальные взгляды. В конце лекции вдруг как выстрел: «Студент, встать! Ваш конспект». К этому времени портрет практически был готов. Хорошо, что я в то время не рисовал карикатур и шаржей. Исполнение было серьезное и, кажется, удачное. Группа замерла в ожидании «грома и молний» или очередного партсобрании. Но в установившейся тишине, глядя на мой рисунок, генерал вдруг мягко спросил: «Так вы художник?». Молчание. «Вы можете подарить мне этот портрет?» И я, идиот, воспитанный с сознанием того, что всегда делаю что-то не так, подумав, что он отнесет рисунок в деканат с жалобой - отказал.

О многих глупостях приходится теперь сожалеть, но этот случай особенный. Ведь я обидел хорошего, заслуженного человека, одного из немногих, который, кажется, тогда меня понял и поддержал.

Настоящие тренировки начались с весны следующего года (1957), несмотря на то, что о футболе мы не забывали и зимой, тренируясь в спортзале и даже проводя зимнее первенство между факультетами.

Как я говорил, СХИ имел статус футбольного клуба. Это значит, что он располагал четырьмя возрастными командами: детской, юношеской, молодежной и 1-ой взрослой. По положению, это давало право на участие в первенстве области по 1-ой группе, куда входили семь команд. Команда ОДО (Окружного дома офицеров) была исключением в том смысле, что ей разрешалось иметь только первую команду, которая, кроме первенства области, играла и на первенстве РСФСР. За нее играли известные футболисты

В. Боссамыкин и В. Родионов. Следующей по силе была команда завода п/я 71 (Левый берег). Этот завод был также базой для команды мастеров класса «Б», и здесь выросли многие известные футболисты, например, Серафим Андроников. «Динамо» - тогда за этот клуб играли будущие мастера Борис Чернышев и Анатолий Черезов. Далее «Спартак», «Локомотив» и команда «Химик», которую выставял завод СК. Из этого клуба вышел мастер спорта Владимир Мануйлов. Наша команда была самой молодежной. Возраст игроков был от 18 до 22 лет.

В первом же матче моя футбольная страсть привела к нелепой болезненной травме. Случилось это в апреле месяце в игре с «Химиком» на их уже подсохшем к тому времени поле. Форму еще не выдавали. Поэтому ее привезли непосредственно к игре. Перед матчем Михаил Гаврилович предложил нам выбирать бутсы. В порыве душевного подъема я не обратил внимания на то, что выбранные мною бутсы слегка жмут. Это привело к тому, что к концу первого тайма я почувствовал сильную тупую боль в ногтях. А после перерыва боль стала нестерпимой, и я не смог даже выйти на поле. В результате две недели я не мог вообще обуваться, так как «сходили» ногти на ногах. Кто это прошел, тот поймет, что это такое.

Весной 1957 года я по возрасту имел право играть за «юношей». В дальнейшем же моя страсть привела к тому, что я играл сразу за три команды, то есть за все, кроме детской. При этом на самых разных местах: левый край - за первую, левый защитник - за молодежную, вратарь и левый край - за «юношей». Слава Богу, физические возможности мне позволяли. Я никогда не курил и в то время не грешил и выпивкой.

Так продолжалось до окончания третьего курса, то есть до лета 1959 года. Мои жизненные потребности удовлетворялись по схеме: сдача экзаменов только на стипендию, для этого хватало троек, летом - игра в футбол, если нет практики.

Мою жизнь изменил 1959 год, когда на все лето я уехал на практику на целину в Кустанайскую область, Октябрьский район.

Пребывание на целине разделялось на три периода с различной занятостью, настроением и чувствами.

На первом этапе (июль - середина августа) мы с Толиком Белко занимались ремонтом доверенного нам агрегата, включающего трактор и прицепной комбайн. Погода была хорошая, сухая. Наше отделение, разместившееся в трех вагончиках, было расположено в двадцати пяти километрах от центральной усадьбы совхоза. Нас было шестнадцать человек, и жили мы в одном из вагончиков. Спали на нарах, имеющих два яруса. Место, свободное от нар, имело площадь не более одного квадратного метра, половину которого занимала плита. Имели два вида развлечений: футбол и еду в столовой, занимавшей один из трех вагончиков. Разнообразие блюд ограничивалось макаронными изделиями и чаем, но зато - в неограниченном количестве. Ни мяса, ни овощей в нашем рационе не было ни разу за все четыре с половиной месяца. И конечно, сухой закон. Так что, оставался только футбол. А так как оказалось, что нас пять человек из основного состава сборной института в одном отделении, то нам ничего больше и не надо было. На наше счастье, здесь проводилось первенство района среди совхозов и нашу команду включили в это соревнование, которое по размаху территории и количеству совхозов было сопоставимо с первенством области.

Думаю, наше успешное выступление (все матчи были выиграны с крупным счетом) надолго запомнилось в Октябрьском районе. Наше отделение в полном составе сопровождало команду во всех поездках. Ведь это оказалось их единственным развлечением на необъятных степных просторах! Мы стали местными «звездами». Нас готовы были носить на руках. По крайней мере, со мной так и случилось, но по печальному случаю, когда в одной игре я вывихнул голеностоп. Болельщики отнесли меня в единственное медицинское учреждение, оказавшееся роддомом. Там мне была выделена кровать, огражденная простынями. Поскольку перелома не оказалось, то я на следующий день сбежал на костылях.

Со мной произошел еще один «звездный» эпизод. Нас возили на грузовых машинах. Машины и соответственно их водители были разные. Как-то после очередной удачной игры водитель буквально утащил меня в свою кабину. Во время поездки я узнал, что звали его Николай, он из Москвы, но в этих местах оказался в качестве заключенного (здесь раньше были трудовые лагеря). После освобождения остался. И вот, в знак благодарности за полученное удовольствие, он достал запечатанную бутылку особой московской водки. Мне совсем не хотелось ее пить. Да и перед сидящими в кузове ребятами было неудобно. В его же просьбе отразилась радость от общения с представителями «большой земли» и любимой игры. Отказать было невозможно. Не оказалось стакана.

– Придется из горла!

– Не могу, я никогда так не пил.

– Давай сколько выпьешь!

Закрыв глаза и собравшись с духом, стараясь не опозориться, я с испугу, не отрываясь, опустошил почти всю бутылку. Осталось грамм сто. На закуску Николай подал

мне половину вареного яйца. Всю оставшуюся дорогу я ждал своего «пьяного отключения» и, как следствие, своего позора перед ребятами. Но так как к нашему вагончику мы подъехали в темноте, то, по-дружески расставшись с Николаем, я тихо заснул на своих нарах. Так никто и не заметил моего нарушения спортивного режима.

Футбольный же сезон закончился с началом уборки урожая, и, надо сказать, несколько обескураживающе для нас. По положению соревнования, команде, занявшей первое место, полагался денежный приз в 130 рублей (стипендия - 35 руб.) и мы считали их уже в нашем кармане. Но произошла любопытная неожиданность. Оказалось, что последняя игра должна быть с командой, занявшей второе место. Когда же мы к ним приехали, то их игроки не вышли на футбольное поле по причине того, что мы не местные и, по их мнению, наша команда незаконно принимала участие в этом турнире. Разбираться было некогда, да и не с кем. Нам же хотелось поиграть. Отказываясь от приза и первого места, мы уговаривали их. Бесполезно. Более того, через некоторое время в местной газете вышла заметка с их поздравлениями и нашей критикой.

Мы на целине (осень 1959)

Но было уже не до этого. Началась уборка урожая. Это значит, работа «от зари до зари» или «от темна до темна», кому как нравится. Это означало подъем по резкому «зову» заведенного двигателя, обеспечивающего освещение в нашем отряде.

Утро, но еще темно. Как полагается, водные процедуры: умывание, купание, полоскание, заправка водой техники, столовой и так далее, и все - из одной цистерны. Завтрак. Разъезд по полям. Работа заключалась в подборке валков уже скошенной и высушенной пшеницы комбайном в сцепке с трактором. Из наполненного бункера пшеница выгружается в подъехавшую машину. Норма выработки зависела не от количества этих бункеров, а от убранной площади. Были случаи, когда, не дождавшись машины, в погоне за убранными гектарами, высыпали зерно на землю. Однако урожайность оценивалась по количеству центнеров с гектара. Шестнадцать центнеров с одного гектара считались показателем очень хорошего урожая в тех местах. Но в том году мы его не получили. Так, со всеми сопровождающими нюансами, вроде разного рода текущих ремонтов, это продолжалось до начала дождей.

И они начались. А вместе с ними началась и дизентерия. О санитарных условиях говорить вообще не приходилось. Врача в отряде не было. Лекарств никаких. За все время пребывания у нас только один раз была баня, которую любезно нам предоставили солдаты, приехавшие на своих машинах собирать урожай.

А в один из дней нам сменили и постель. Запомнился такой случай. В нашей бригаде был паренек призывного

возраста. Мы звали его Максимка¹, он нередко был черный от грязи, как негритенок. Максимка работал трактористом и принципиально никогда не умывался, не раздевался и не разувался, ожидая призыва в армию. И вот, когда во время смены белья постлали чистую белую простыню, он в грязной своей одежде, не снимая сапог и шапки, улегся на эту простыню, желая узнать какой же след останется от него на белой простыне...

Что же касается дизентерии, то вместе с дождями она уложила нас на пару недель. Грязь была такая, что на центральную усадьбу (двадцать пять километров) трактор пробирался за лекарствами целые сутки. Были моменты, когда расстроившиеся животы заставляли нас подниматься с нар через каждые десять-пятнадцать минут. Туалет был один - деревянный и одноместный - а к нему очередь, включая девочек, привезенных в последний момент из алма-атинского мединститута и размещенных в недостроенном бараке. Мы так и не поняли - зачем и для какой работы. Хорошо, что в те времена не было современных журналистов. Уж они напустили бы драматического тумана! Мы же все переносили как должное, спокойно и даже с юмором. А современным журналистам я посоветовал бы проехать по строящейся федеральной трассе на Ростов, где, видимо, в целях экономии, мужские и женские туалеты неотделимы друг от друга, имеют один общий вход. Неужели так дорого разделить их на расстоянии пятнадцати метров?

Но все имеет начало и конец. Не исключением были затянувшиеся сроки нашей практики. Вместо трех месяцев

¹ Максимка – негритенок, герой одного из морских рассказов К.М. Станюковича и одноименного фильма, популярного в 50-е годы прошлого века.

мы пробыли на целине более четырех. В начале ноября пришло распоряжение собираться домой. Нас повезли на центральную усадьбу за расчетом. Выяснилось, что почти все заработанное мы проели. Дорогу, правда, нам оплачивали. Но поезд, на котором мы должны были ехать, в назначенный день почему-то не пришел. А поскольку о его предстоящем появлении никто нам ничего толком сказать не мог, то мы с Юркой Алексеевым решили ехать одни, используя какой-то поезд до Челябинска. Так как денег было мало, я продал новую кожаную шапку, присланную родителями. Так через Челябинск мы добрались до Свердловска, а оттуда на самолете вернулись в Воронеж. Через три дня приехали и все ребята, тоже не без приключений, так как в отряде их обворовали. Так, у Толика Белко, например, украли часы. И это сделали те же люди, которые так болели за нас на футболе.

К нашему приезду в институте произошли серьезные события. Оказалось, что с нового учебного года в Воронеже открылся Политехнический институт, и для наполнения его контингента были приглашены студенты нашего механического факультета, причем, без потери курса. Так как многие этим воспользовались, то наш факультет значительно поредел, и нам, опоздавшим, уже документы не отдавали. Что же касается меня, то после приобретенного «целинного» опыта я начал задумываться о смене профессии.

Виктор Николаевич Скачилов

Так как после резкого сокращения контингента, деканат не соглашался на обычный перевод из вуза в вуз, то я решил просто отчислиться. Но для того, чтобы это произошло не по причине неуспеваемости, нужно было успешно сдать зимнюю сессию. Что я и сделал. Однако мои заявления об уходе деканатом даже не рассматривались. Тогда, решив не сдавать весеннюю сессию, я стал появляться в институте только за стипендией. Родителям сказал, что институт я бросил. Заключив, что всему причиной является футбол, отец в резкой форме заявил, чтобы я шел на завод разнорабочим, где о футболе, как ему казалось, не думают и ничего не знают. Наивность отца в вопросах спорта объяснялась тем, что, приехав из села, он с семнадцати лет посвятил себя только производству, пройдя все трудности войны с воронежским механическим заводом.

И вот с июня 1960 года я стал учеником токаря цеха № 21 этого завода, перед этим добившись отчисления из института, как «прекративший посещение занятий». Параллельно я переложил документы на пятый курс вечернего отделения Политехнического института на отделение самолетостроения.

Что же касается работы на токарном станке, то с ней я был знаком по учебным мастерским в СХИ, а в большей степени по производственной практике на Липецком тракторном заводе. Однако работа, выполняемая Владимиром Дугиным, мастером, к которому меня прикрепили, относилась к категории весьма сложных, и ее мне доверить не могли. Поэтому обучение заключалось в наблюдении за работой мастера. Предполагались также и теоретические занятия, но ко мне это не относилось. Делать нечего, я смиренно приго-

товился исполнять свои новые обязанности. Но вдруг намеченная траектория моего жизненного пути резко изменилась.

Буквально через день после моего появления в цехе перед нашим станком появился симпатичный интеллигентный парень. Обратившись ко мне, он спросил: «Говорят, ты играешь в футбол?» Я подтвердил, и он пригласил меня после работы на стадион ОДО (теперь стадион «Чайка»).

Тогда это был новый стадион Окружного дома офицеров, вступивший в строй только в 1954 году. Казалось, что весь город был на его открытии, был там даже мой отец. Он надеялся, что привезут пиво. Но этого не случилось. Были лимонад, морс, мороженое и так далее. Возможно ли такое сейчас?

В.Н. Скачилов

Помимо футбольного поля, стадион включал в себя спортивные площадки и корты, а также водный бассейн. Здесь проходили многие спортивные соревнования республиканского и даже союзного значения. В частности, спартакиада вооруженных сил СССР.

Парня, который пригласил меня, звали Виктор Скачилов. В настоящее время Виктор Николаевич Скачилов - ученый, доктор технических наук, профессор, ведущий конструктор КБ «Химвавтоматика» и создатель футбольного клуба «Факел».

Разумеется, в назначенное время я был на стадионе. К моему удивлению, пришел и мой наставник Володя Дугин,

оказавшийся заядлым болельщиком. Позже он сопровождал меня на все игры, которые мы играли в Воронеже, и даже на тренировки. Мы стали друзьями. Это был очень интересный человек, знакомый моего отца еще по работе в Казани во время войны. В свои 34 года он был полностью седым и с внешностью джентльмена. Имея только «семилетку», чертежи читал прекрасно. Это был профессионал высочайшего класса (восьмой разряд). Уверен в себе. Баритональный тенор. Обязательно сигарета с мундштуком. Но я никогда не видел его с алкоголем. Виртуозно оперируя со станком, он любил побалагурить во время работы. Однажды: «Володюх (он так меня звал), вот если бы завтра объявили коммунизм и сказали: «Бери (звучало: ...) девку, какую хочешь. Ты в нашем цехе кого бы выбрал?». Смущаясь, я начал объяснять, что коммунизм - это совсем не то. Он же только хитро улыбался.

Как-то у его станка стали обсуждать четвертую звезду Н.С. Хрущева. Дугин и говорит: «Ну что вы удивляетесь, ведь он им (звездам) хозяин! Вот я хозяин токарной стружки и могу ее навешать на себя, сколько захочу». Аргумент был убедительным.

После первой же тренировки Скачилов взял меня под свою опеку. Я был зачислен в его заводскую команду и освобожден от работы. При этом играл я и за команду нашего 21-го цеха, с которой в 1960 году выиграл первенство завода. В финале мы обыграли команду п/я 20 Скачилова со счетом 1:0.

Между прочим, за нашу команду играли довольно известные потом футболисты. Саша Рытиков входил в юношескую сборную России, Толик Гализин позже играл за команду мастеров.

В цех я стал приходить только за зарплатой. Не помню, сколько мне платили в эти летние месяцы. Но

первую зарплату я домой не принес. Ее же реализация оказалась довольно оригинальной. Ко мне подошел фрезеровщик Коля Литвинов с предложением пойти в общежитие к глухонемым девушкам. На вопрос «почему именно к немым?» последовал аргумент, что он с обычными девушками не знает, о чем говорить, а здесь это и не нужно. Но к ним мы не дошли.

Между тем, лето закончилось, начиналась осень. Возвращаться к станку не хотелось. Скачилов начал хлопотать о моем переводе в свою организацию, причем в конструкторский отдел. А это означало дополнительные трудности. Надо было подобрать соответствующую вакансию с последующим оформлением специального допуска, что требовало срока не меньше месяца. Тут мой наставник Володя Дугин и говорит, что слышал о вакансиях в отделе главного механика.

Через день я уже был зачислен в этот отдел инженером по оборудованию. Оказалось, что эта должность характеризуется сильной «текучестью», и на ней работники долго не задерживаются. Мой опыт также подтвердил это.

В мои должностные обязанности входил контроль за старым оборудованием. Например, если демонтируется станок, то необходимо проследить весь его путь до списания. Для этого на акте по списанию должны поставить подписи члены соответствующей комиссии. А их было около двадцати. Начиная от кладовщицы, далее через всех начальников цехов и отделов, вплоть до директора завода и председателя Совнархоза. Мне «повезло». Именно этой осенью, в связи с переходом на новые изделия, списывалось необъятное количество старой техники. И каждую единицу надо было принять на склад, упаковать, подготовить акт о списании и отгрузить, если она передается другой организации.

Начались дожди. Два выделенных в мое распоряжение плотника с упаковкой оборудования не справлялись. Да они и не спешили. Три-четыре станка в день, а их - около двухсот. По существу, все оборудование стояло в грязи под дождем. Мой непосредственный начальник Исаак Давидович Шнейдерман был вечно в командировке. На меня же, не проработавшего еще и двух месяцев, приказом свалили исполнение его обязанностей. Как выяснилось, готовили «козла отпущения». Чувствуя нереальность упаковки всего оборудования до снега, главный механик Дмитриев устно отдал распоряжение упаковывать в последнюю очередь станки, которые передаются в другие организации. А желающих приобрести эту технику в районы области было много. Но вот появилась комиссия из Совнархоза. Вызвали меня. Как ни в чем ни бывало, Дмитриев гаркнул: «Почему не упаковываете оборудование!?» Я ответил, что это оборудование переходит к другим организациям и по распоряжению упаковывается в последнюю очередь. Дмитриев: «Кто дал такое распоряжение!?!». Ответил: «Вы». Надо было видеть, с какой злобой округлились глаза главного механика. Он вскочил с криком: «Лишить премии! Вон из кабинета!». Господи, да я и не думал ни о какой премии. Боялся, что лишат зарплату или посадят...

После этого случая где-то в начале зимы Скачилов мне сообщил, что нашлась подходящая должность. И с легендарного 1961 года я стал техником-конструктором организации п/я 20.

Единственным светлым пятном в моей деятельности на посту инженера по оборудованию, по сути сводившемуся к топтанию грязи между многочисленными корпусами завода при подписании актов, было любовное увлечение одной красавицей из отдела главного энергетика, брюнеткой с голу-

быми глазами, Тамарой Дарской, ставшей впоследствии женой лауреата Нобелевской премии Жореса Ивановича Алферова.

Конструкторское бюро. «Факел»

Вот уж истинно «из грязи - да в князи». Я - в белом халате. У меня свой стол с чертежной доской. Вокруг, на протяжении десятков метров, плотно стоят такие же столы и чертежные доски разных размеров, за которыми работают молодые люди в белых халатах. Это элита, это мозг великой страны. Нынешние перестройщики, разрушители этой страны, называют их бессознательными «винтиками».

Я.И. Гершкович

И это о таких людях, как например, ведущий конструктор Янкель Иосифович Гершкович, который попал в начале Великой Отечественной войны в г. Ташкент с Украины, где были расстреляны фашистами его отец, мать и сестра, окончил в 1942-45гг Ташкентский авиационный институт и стал работать в конструкторском бюро С.А. Косберга. За пять лет он вырос до заместителя ведущего конструктора.

В 1959 году Я.И. Гершкович приступил к созданию двигателя гагаринской ракеты «Восток».

В 1960 году он принял участие в создании двигателя для третьей ступени тяжелой космической ракеты «Протон».

С 1969 года Янкель Иосифович стал работать ведущим конструктором над двигателем ракеты, позже названной американцами «Сатана».

В наследие своей Родине и всему миру он оставил двигатели, которые в составе космических ракет «Союз» и

«Протон» обеспечивают сегодня международную программу полетов к МКС, выводят на околоземные орбиты отечественные и зарубежные спутники. По оценкам специалистов, в ближайшем будущем эти ракеты останутся главными российскими средствами выведения полезной нагрузки в космос. А для врагов Отечества Янкель Иосифович оставил в наследство двигатели «Сатаны».

Нет! Это были люди высшей степени сознания, гордые за свое дело, за свою страну, мощью которой являлось, прежде всего, высокое сознание ее граждан и, как следствие, ее обороноспособность. Неизвестно, достигнет ли когда-нибудь наше общество такого же уровня коллективного сознания...

Пока же, не имея конкретного задания, я знакомился с новым коллегами. Это были ребята, лишь несколькими годами старше меня, но с высшим образованием, выпускники авиационных вузов Москвы, Киева, Харькова, Казани и других городов. Несмотря на молодость, они были уже опытными конструкторами различных категорий. Они основные действующие лица в реализации грандиозных свершений космического апреля 1961 года. Не скрою, во мне это будило любознательность вместе с честолюбием. По мере вхождения в курс дела я знакомился с различного рода документами, техническими заданиями, порядком работы с документами.

Я полюбил работу в читальном зале нашего конструкторского бюро. Здесь познакомился с космическими новинками США, такими как ракетоносители «Поларис», «Нови», «Томагавк», «Посейдон», «Трайидент» и др. Здесь же на примере конструкции камеры сгорания ЖРД (жидкостно-реактивного двигателя), эффективно использующей физические законы Гей-Люсака и Бойля-Мариотта, я начал осознавать великую роль знания фундаментальных законов природы

при реализации конкретных конструкторских решений. Это заставило впервые задуматься о получении серьезного высшего образования.

Между тем, заканчивался апрель, и наша молодая самостоятельная организация заявила городу о новой футбольной команде. Возник вопрос о статусе соревнования, в котором команда будет участвовать. Виктор Николаевич добился, чтобы нас включили в первенство области. Успешные тренировочные игры с первой и второй командами Мехзавода вселили в нас дух оптимизма. Первый же официальный матч мы провели в г. Острогжске с командой «Звезда». Так что, от этой игры можно начинать отсчет истории футбольной команды «Факел».

Струя раскаленного газа, вырывающаяся из ракетного двигателя, называется факелом. Так вот, именно этому факелу и обязана своим названием известная наша футбольная команда «Факел», и создателем ее является Виктор Николаевич Скачилов. Не уверен, что все игроки в составе нынешнего «Факела» знают это.

В первом издании моих воспоминаний говорится о не сохранившихся фотографиях этого матча. Но после знакомства с первыми публикациями участник этого матча, наш вратарь Борис Дворкин, нашел в своем архиве фотографии, снятые нашим сотрудником Юрием Михайловым об этом матче.

Другим важным событием была неожиданная после многих лет встреча с моим товарищем, заядлым болельщиком Рогулькиным Юрием Семеновичем, который познакомил меня с одним из авторов фундаментального труда по истории футбола «Век футбола. 1908-2008» Гудковым Александром. Именно Саша установил точную дату этого матча, связавших со спортивными и журналистскими кру-

гами г. Острогжска. Он нашел газету с информацией о точной дате этого матча 4 июня 1961 года. В первых изданиях я ошибочно называл 3 июня.

Вот так складывались события в те дни.

03.06.1961г. Суббота. Приезд в Острогжск на своем транспорте.

03.06.1961г. Накануне игры.

Коля Фомин (слева) и Витя Горовец

04.06.1961г. Воскресенье. Во дворе гостиницы перед отъездом на игру.

(Слева направо): 1-й ряд (сидят) Виктор Скачилов, Владимир Костин, Владимир Сафронов, Виктор Сарычев, Николай Фомин, с мячом - водитель машины; 2-й ряд (стоят) Владимир Никитенко, Виктор Подзоров, Анатолий Корневский, Владимир Колосов, ?, Иван Мамчук, Виктор Горовец.

04.06.1961г. Начало игры.

Справа наш капитан Анатолий Корневский

Стартовый состав команды: (слева направо) Борис Дворкин, Виктор Сарычев, ?, Владимир Сафонов, Владимир Никитенко, Николай Фомин, Виктор Подзоров, ?, Владимир Костин, Иван Мамчук

Момент игры, который привел к голу. Иван Мамчук играл в «стенку» с Витей Подзоровым №12, который был снесен защитником в штрафной площадке. Пеналь!

Вот так с одиннадцатиметрового удара был мною забит первый гол в официальных играх в истории становления команды «Факел». В этой игре этот гол оказался победным.

Удар был произведен внешней стороной стопы правой ноги. То есть исполнен, так называемый, «сухой лист» бразильца Диди, вошедший у нас в моду после ЧМ 1958г. При таком ударе вратарь реагирует в противоположную сторону от направления полета вращающегося мяча. В математике такие траектории являются предметом исследования классической теории «волчка».

В 1961 году был впервые разыгран футбольный кубок КБХА.

Обладатель кубка КБХА (1961г.)

Команда конструкторов и технологов. Капитан команды Костин

После завершения футбольного сезона я снова вернулся к конструкторскому делу. На этот раз передо мной

была поставлена конкретная задача: перепроектировать одноразовый клапан на двухразовый, в связи с разработкой многоразовых изделий. Я с энтузиазмом взялся за выполнение этого задания. Многодневные размышления привели меня к математической задаче оптимизации. И я снова почувствовал недостаток своего математического образования. Правда,

С.А. Косберг

моя память сохранила некоторые фрагменты из лекций Льва Александровича Гуревича в СХИ, но этих воспоминаний было явно недостаточно для точной реализации возникшей идеи. Но, так или иначе, чертежный вариант клапана я сконструировал². И даже получил следующую оценку Семена Ариевича Косберга, нашего легендарного главного конструктора: «Конечно, этот клапан летать не будет, но его необходимо отправить в Москву на выставку».

Я же еще раз убедился в необходимости настоящих знаний в области математики и решил изучать эту науку с первого курса университета. При этом я рассуждал так, имея в виду свое пребывание на пятом курсе вечернего отделения Политеха: «ну получу через год диплом инженера, а знаний-то по математике нет». С одной стороны - это не по-честному, а с другой - меня захватила идея узнать, ну что же это за наука математика, которой пропитаны все законы естествознания? Приняв такое решение, я начал готовиться к вступительным экзаменам на мат-мех ВГУ. И это спустя шесть лет после окончания школы!

Было ясно, что опыт изучения математики в СХИ не пригодится не только по причине моего «прохладного» к ней отношения - речь в данном случае шла об углубленной программе школьной математики. Кроме того, и в обычную

² Косберг С.А. (1903-1965) — знаменитый авиаконструктор. Венцом его многочисленных конструкторских достижений является создание третьей ступени ракеты Р-7, позволившей развить вторую космическую скорость. Именно эта ступень обеспечила вывод аппарата Ю.А. Гагарина на орбиту. Когда это произошло, Юрий Гагарин, забыв о требовании секретности, открытым текстом сообщил миру: «Косберг включился!» Семен Ариевич трагически погиб в автомобильной катастрофе 3 января 1965 года на обледенелой ВОГРЭСовской дамбе. Его именем назван кратер на обратной стороне Луны.

школьную программу, в отличие от сегодняшней, вместо элементов дифференциального и интегрального исчисления входили комбинаторика и комплексные числа, о чем в СХИ даже не упоминалось. Поэтому я решил испытать свои возможности на задачах, предлагаемых на экзаменах в МГУ, а также в сборниках задач повышенной трудности. Между прочим, оказались очень интересными задачи в учебнике А.П. Киселева «Геометрия», напечатанные мелким шрифтом, к которым мы в школе даже не прикасались. Оказалось, что многие из этих и даже «олимпиадских» задач мне под силу. Мое решение о поступлении стало окончательным. Его не поколебала даже возможность перехода в специальную группу, создаваемую нашей организацией и Политехом для студентов пятого курса вечернего отделения, с возможностью окончания обучения с отрывом от производства и даже с сохранением заработной платы.

Между тем моя жизнь в КБ шла своим чередом, и, надо сказать, она не сводилась только к футболу и решению производственных задач. Наша интеллектуальная молодежь также талантливо заботилась и об организации досуга и соответствующих культурных мероприятий. Так, у нас был прекрасный театр миниатюр под руководством Володи

В.Ф. Шишигин

Шишигина (ныне Владимир Фирсович - заслуженный конструктор РФ и талантливый поэт), сына знаменитого Фирса Ефимовича Шишигина, тогда главного режиссера нашего Драматического театра. Мне также приходилось участвовать в его спектаклях и даже выступать в них на сцене только что открывшегося (1961 г.) Воронежского музыкального театра. На сцене этого театра

мне пришлось даже петь в опере. Это была опера Константина Массалитинова «Земля поет» о колхозной жизни, поставленная московским режиссером Владимиром Шароевым. Она была сыграна лишь один раз, а затем ее сняли вместе с уходом Н.С. Хрущева, так как в этой опере прославлялся его культ.

Володя Никитенко

Попал же я в певцы с «подачи» моего друга по футболу (я левый инсайд, он левый полузащитник) Володи Никитенко, любителя пения, затащившего меня в заводской хор и даже в кружок вокального пения. Позже Володя закончил факультет физкультуры Воронежского пединститута, стал заслуженным тренером по футболу (за воспитание таких известных футболистов как Александр Бородюк и Валерий Шмаров). О его уходе из жизни я узнал в Музее воронежского спорта, уже работая над этими воспоминаниями.

Настоящей гордостью нашей организации была стенгазета «Факел». Ее размеры были примерно 8*1,5 м. Разумеется, имелся в виду факел ракетный, освещающий жизнь нашего коллектива с разных сторон. По сей день сохранился в памяти стих, посвященный садоводам и огородникам:

*Садовод, нежней, чем роза,
Запах свежего навоза.*

Редактором газеты был Толя Бавыкин, ныне - известный Анатолий Петрович Бавыкин, зам. главного редактора газеты «Коммуна». Со своими изюмками уже тогда он работал в «Молодом Коммунаре». Между прочим, он и меня

соблазнил на это дело. Некоторое время я был даже внештатным сотрудником этой газеты и имел там публикации. Но ушел оттуда, обидевшись на замечание, что я слишком смакую недостатки нашего общества.

Разумеется, и в этот период я не бросил привычки зарисовки коллег, теперь это можно было делать на полях чертежей.

Я.Г. Гершкович ведущий конструктор - 1961 г.

А.Н. Бавыкин (дружеский шарж) 1961 г.

С.А. Косберг
(дружеский шарж) 1961 г.

И здесь, моя великая благодарность Наде Бояриновой, чей стол стоял рядом с моим, за сохранность некоторых из рисунков, которые она, к моему удивлению, через двадцать пять лет подарила мне. Но настоящий подвиг Надя совершила, когда, выйдя замуж за другого соседа по чертежной доске Владислава Боровских, родила сына Алешу, известного теперь в стране математика, доктора физмат наук, зам. декана МГУ Алексея Владиславовича Боровских. Таким образом, из нашей группы «клапанщиков» вышли два профессора математики.

Куда же делись 18 лет истории нашего «Факела»?

Благодаря журналистам Ю.С. Рогоулькину и А.А. Гудкову я получил возможность ознакомиться с футбольной историей нашей области, изучая книгу «Век футбола. 1908-2008». И первое, что меня удивило, это отсутствие содержательной информации и фотографий о футбольной команде «Факел» КБХА периода 1961-1977, несмотря на то, что в монографии опубликованы многочисленные снимки различного времени, производственных коллективов и регионов области. Почему же не нашлось места для снимка и информации команды, имеющей такие спортивные успехи как «Факел» КБХА (см. А.А. Гудков газета «Игрок»).

«ФАКЕЛ», КБХА (Воронеж)
Годы существования: 1961-79 (в 1961-64 годах - «Труд-2», в 1977-79 - «Факел»-клубный).
В розыгрышах Кубка СССР среди КФК: 1970, 1974-1976 годы.
Лучшее достижение: полуфиналист (1974).
В чемпионатах РСФСР среди КФК: 1976 год.
Лучшее достижение: серебряный призер зонального турнира (1976).
В розыгрышах Кубка РСФСР среди КФК: 1970, 1973-76 годы.
Лучшее достижение: финалист (1975). Обладатель Кубка «Юга» (1970, 1974, 1975, 1976).
Самая крупная победа: 13:0 над «Витаминщиком» (Белгород) в розыгрыше Кубка РСФСР-1976.
Самое крупное поражение: 0:2 от «Цементника» (Николаев) в розыгрыше Кубка СССР-1970.
В чемпионатах Воронежской области: 1961-79 годы (первая группа).
Лучшие достижения: чемпион (1966, 1969, 1972, 1974, 1976, 1977), серебряный призер (1973, 1975), бронзовый призер (1968).
В розыгрышах Кубка Воронежской области: 1961-79 годы.
Лучшие достижения: обладатель (1970, 1974), финалист (1973, 1975, 1976).

1974 год. «Факел», КБХА (слева направо): 1-й ряд (сидят) - Валерий Усенко, Сергей Борисенко, Вячеслав Куприн, Вячеслав Петрин; 2-й ряд (стоят) - Виктор Филиппов, Борис Белов, Владимир Алипатов, Виктор Сухоруков, Борис Скрыльников, Валентин Тринеев, Борис Пасечный, Виктор Елфимов; на дереве - Александр Зубарев, Вячеслав Хлопков, Николай Боул.

Назову тех, кто были основными игроками «Факела» КБХА в пору его расцвета, в середине 70-х годов. Вратари - Борис Белов и Виктор Филиппов. Защитники - Николай Боул, Сергей Борисенко, Вячеслав Хлопков, Владимир (Хасбулла) Садеков. Полузащитники - Александр Зубарев, Борис Пасечный, Виктор Сухоруков, Вячеслав Куприн, Валерий Усенко, Валентин Тринеев. Нападающие - Сергей Доронкин, Виктор Елфимов, Борис Скрыльников, Владимир Алипатов, Виктор Баутин. Обязанности играющего тренера команды исполнял Виктор Алексеевич Елфимов.

В 1986 году мы, ветераны ФК «Факел» разных поколений отметили 25-летие своей команды

1986г. «Ветераны Косберга» (игроки «Факела» КБХА начала 60-х гг.) против «ветеранов Конопатова» (игроки «Факела» КБХА 60-70-х гг.): Николай Фомин, Борис Дворкин, Владимир Никитенко, Анатолий Гализин, Владимир Костин, Вячеслав Муштаков, Иван Мамчук, Валентин Терновской, Вячеслав Петрин, Юрий Шевелев, Виктор Пустовалов, Владимир Сафронов, Владимир Колосов, Александр Рытиков (слева направо)

Команда Конопатова. Слева направо: В. Садеков, В. Хлопцев, В. Букреев, А. Зубарев, В. Куприн, Б. Скрыльников, В. Елфимов, В. Алипатов, В. Филиппов, С. Борисенко

Следующим удивительным фактом явилась визитная карточка «Факела» на стр. 59 «Век футбола», на которой написан год создания 1947. И объясняется это тем, что «...авиазавод № 18 после войны не вернулся в родной город из Куйбышева. Где на его месте было создано новое предприятие. Вместе с ним появилось и новое ДСО, а весной 1947 года и новая футбольная команда.» стр.55. Новоиспеченный коллектив получил новое название «Крылья Советов».

Но ведь эти аргументы относятся к команде «Труд», создателем которой является авиазавод № 18 и п/я 71. В то время как создателем «Факела» является организация п/я 20 (КБХА), переведенная из Новосибирска в Воронеж в 1946 году на производственные площади завода 265, позже завода п/я 154 им. Сталина (механический завод).

Об истоках команды «Факел» КБХА ее создатель В.Н. Скачилов говорит, что п/я 20 – это и есть первоисточник нашего «Факела» (газета «Игрок» № 35 от 5 октября 1995г.). Это же он повторяет в монографии «Век футбола. 1908-2008» стр. 137. При этом Скачилов утверждает: «10 января 1977 года (считайте эту дату днем рождения «Факела» как главной командой Воронежа)». Оказывается, в этот день вопрос трансформации «Труда» в «Факел» был решен на бюро Обкома партии.

Руководители области, спасая престиж, связанный с падающими спортивными успехами главной команды города «Труд», опекуном которой был авиационный завод п/я 71, обратились к руководителю КБХА взять под свою опеку эту команду. По словам Скачилова (см. «Игрок» №35 от 5.10.1995г. и «Век футбола») при этом руководитель авиазавода Михайлов заявил, что содержать команду «Труд» больше не может, да и не хочет. Таким образом, при согласии А.Д. Конопатова, команда «Труд» должна финансироваться организацией КБХА. Соглашаясь на такой шаг Александр Дмитриевич поставил условие, что команда будет называться «Факел». Но разумеется, это будет уже новая команда, организацию которой он поручил В.Н. Скачилову. Таким образом, эта команда получала двойную историю своего создания, историю «Факела» и историю «Труда».

А.Д. Конопатов

Александр Дмитриевич Конопатов (1922 – 2004 г. Воронеж). Главный конструктор ОКБ-154 (1965-1993), Герой Социалистического Труда (1966), член-корреспондент АН СССР, академик РАН, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР.

Позже авторы монографии «Век футбола» использовали этот факт в следующей интерпретации: «В 1977 году команда мастеров перешла из ведения авиазавода под патронаж КБХА и стала носить название «Факел».

Отсюда следует, что вся история команды мастеров города Воронежа, а таковой тогда был только «Труд», переносится и на новую команду «Факел». А так как настоящая история команды «Факел» КБХА с ее спортивными успехами сюда не вписывается, то о ней лучше не вспоминать. И только в 2016 году, благодаря публикациям А.А. Гудкова в газете «Игрок» (№ 44 ноябрь 2016 г.) после знакомства с моими брошюрами «Футбол и математика» (2010, 2012), проведя точные исследования сообщил болельщикам об истинной истории «Факела» 1961 - 1979. С разрешения Александра Анатольевича, с глубокой благодарностью к нему, публикую здесь некоторые факторы из его статей из газеты «Игрок».

О роли В.Н. Скачилова в этой истории

Выскажу свою точку зрения на роль В.Н. Скачилова в трансформации футбольных клубов «Труд» - «Факел».

Доктор технических наук, профессор, академик космонавтики, чей портрет висит в музее организации КБХА, безусловно является одним из создателей футбольной команды «Факел» 1961-1976 гг., ставшей за эти годы ведущей командой города, добившейся высоких показателей на уровне Российской Федерации и СССР среди футбольных производственных коллективов. Так на вопрос корреспондента газеты «Коммуна» (№ 125 от 27.28.2010г) «К 1974 году «Факел» уже вышел на профессиональный уровень?», Скачилов ответил: «Да». Очевидно, именно это и стало причиной доверительного отношения А.Д. Конопатова, при его решении оставить последнее слово за В.Н. Скачиловым при переходе команды мастеров города Воронежа под эгиду КБХА. В книге «Век футбола» на стр. 137 Скачилов говорит: «Конечно! В то время я возглавлял большой отдел – свыше 100 человек. Впереди была интересная творческая перспектива. *Но футбол во мне победил* (курсив автора)».

А разве 17 лет работы до 1977 года на общественных началах по созданию «Факела», так сказать первой ступени «футбольного изделия» КБХА, не предполагали любовь к футболу? Но видимо было и еще нечто, заставившее доктора технических наук, инженера конструктора изменить своей профессии и футболу как хобби, и стать функционером в спортивном проекте, в ущерб им же созданной команды, имеющей все шансы по спортивным достижениям стать командой мастеров, не связываясь с авиазаводом и его командой, только формально имеющий этот статус, но по спортивным показателям уже ему не соответствующим.

Скачилов говорит: «Жалко было, что старую команду мы потеряли, но те футболисты все же не дотягивали до уровня лидеров первенства СССР. Из «Труда» брать было некого, кроме нападающих В. Проскурина, В. Янишевского и вратаря А. Гнеушева».

Результатом же нового увлечения стала потеря интереса Виктора Николаевича Скачилова и к своему детищу, и к его истории. Это проявилось в отсутствии информации о «Факеле» КБХА 1961-1977 как в музее спорта города, так и в СМИ, включая газету «Игрок» и «Век футбола. 1908-2008», в которых В.Н. Скачилов давал интервью.

Ч А С Т Ь 2

Математики-созидатели и футбол

ВГУ. Красносельские

Итак, захотев изучать математику с первого курса, я решил в 1962 году поступать на дневное отделение математико-механического факультета ВГУ. Подходило время вступительных экзаменов. Дома их никто не рассматривал всерьез. Надеялись на мой провал. И надо сказать, что конкурс был человек пять на место. А контингент, разумеется, был сильнее, чем шесть лет назад в СХИ, причем, в конкурсе участвовали и выпускники спецклассов. В условия приема входила сдача пяти экзаменов. Но баллы засчитывались только по математике (устно и письменно) и физике. По русскому и иностранному языкам было достаточно получить положительную оценку.

В приемной комиссии подача моих документов произвела фурор. На меня смотрели, как на инопланетянина. Еще бы - бросил четыре курса вуза, футболист-перворазрядник, женат. Мне передали, что со мной хочет побеседовать сам председатель приемной комиссии. В назначенное время я пришел на прием. Передо мной сидел мужчина, показавшийся мне знакомым. В тенниске и сандалиях на босу ногу. И тут я вспомнил, что девять лет назад в 1953 году, когда я был восьмиклассником, от нашего класса меня направили на лекцию одного профессора-математика в ВГУ. Лекция состоялась в «красном» корпусе ВГУ. На ней присутствовали ученики из всех школ города, а лектором был тот самый профессор, у которого я оказался на приеме. В упомянутой лекции профессор говорил о бесконечных множествах и связанных с ними парадоксах, приводя классический пример с калошами. Суть парадокса в том, что у некоторого хозяина было бесконечное множество гостей, оставивших в прихожей по паре калош. Когда же они разошлись, то осталась пара калош, несмотря на то, что каждый

из гостей ушел в калошах. Тогда на меня этот пример произвел впечатление лишь со следующей ассоциацией. Недалеко от нас, на углу улиц Краснознаменной и Чапаева, была артель «Оборона», выпускающая резиновую обувь. Ее рабочие ежедневно выносили (воровали) некоторое конечное число резиновых сапог, что не отражалось на успешном выполнении плана (Интересно, что мою точку зрения много лет спустя независимо поддержал и В. С. Черномырдин, который 8 сентября 2005 года в интервью журналистам в английском клубе сказал: «У нас в России воруют намного больше, причем нигде не убавляется. Такая страна»). То есть, та лекция меня ничем не удивила, и я после нее пошел в Музей изобразительных искусств, благо он находился рядом.

В беседе же по случаю моего поступления на матмех профессор старался меня убедить в трудности моего выбора, учитывая большой перерыв после окончания школы и

мое семейное положение. Я твердо стоял на своем и даже несколько «раскипятился». На прощание профессор широко улыбнулся и пожелал мне успеха. Выйдя из кабинета, разгоряченный, я спросил у секретаря приемной комиссии, кто это меня отговаривал от поступления? Ответ прозвучал почти шепотом: «Да это же сам Марк Александрович Красносельский». Но так как кроме

С.А. Косберга я никого не знал, на

меня это не произвело никакого впечатления, и я, буркнув, что «это мое дело, куда поступать», ушел.

М.А. Красносельский

Позже дочь Марка Александровича, Алла, с которой мы оказались на одном курсе и подружились, говорила мне: «Вовка, ведь он тебя проверял на убежденность, сам-то он женился в двадцать лет».

Случилось так, что в процессе этой эпопеи с вступительными экзаменами мне пришлось познакомиться и с сыном Марка Александровича, Веней. Причем, как потом выяснилось, наша первая встреча произошла при довольно далеких от математики обстоятельствах. Это случилось за год до вступительных экзаменов.

Однажды приятели пригласили меня на танцы, проходившие в здании, где теперь располагается фармацевтический факультет ВГУ (тогда оно принадлежало химическому факультету). Однако к нашему приходу вход был закрыт, потому что зал был уже переполнен. У дверей толпилась группа таких же «танцоров-неудачников». Откровенно говоря, «королем танцев» я никогда не был, поэтому перспектива «непопадания» меня не сильно расстраивала. Но в числе опоздавших оказался и знавший меня парень, Володя Моисеев, работавший в ВГУ фотографом. Он представил меня как футболиста командиру отряда дежуривших дружинников, и проблема пропуска на танцы была решена положительно.

Каково же было мое удивление, когда год спустя, то есть в момент моего поступления в ВГУ, консультации перед устным экзаменом по математике пришел проводить тот самый командир отряда дружинников. Это и был Венья Красносельский. Кстати, та консультация пошла мне на пользу. Кто-то задал вопрос (наверное, выпускник спецкласса): «Нужно ли знать формулу Муавра для комплексных чисел?». Об этой формуле я никогда не слышал, и она не входила в программу для поступления. Вениамин Маркович так и ответил абитуриенту. Но тот не унимался:

«А как же возводить в степень комплексные числа?» Ответ: «с помощью бинорма Ньютона» меня устроил, так как бином Ньютона я знал.

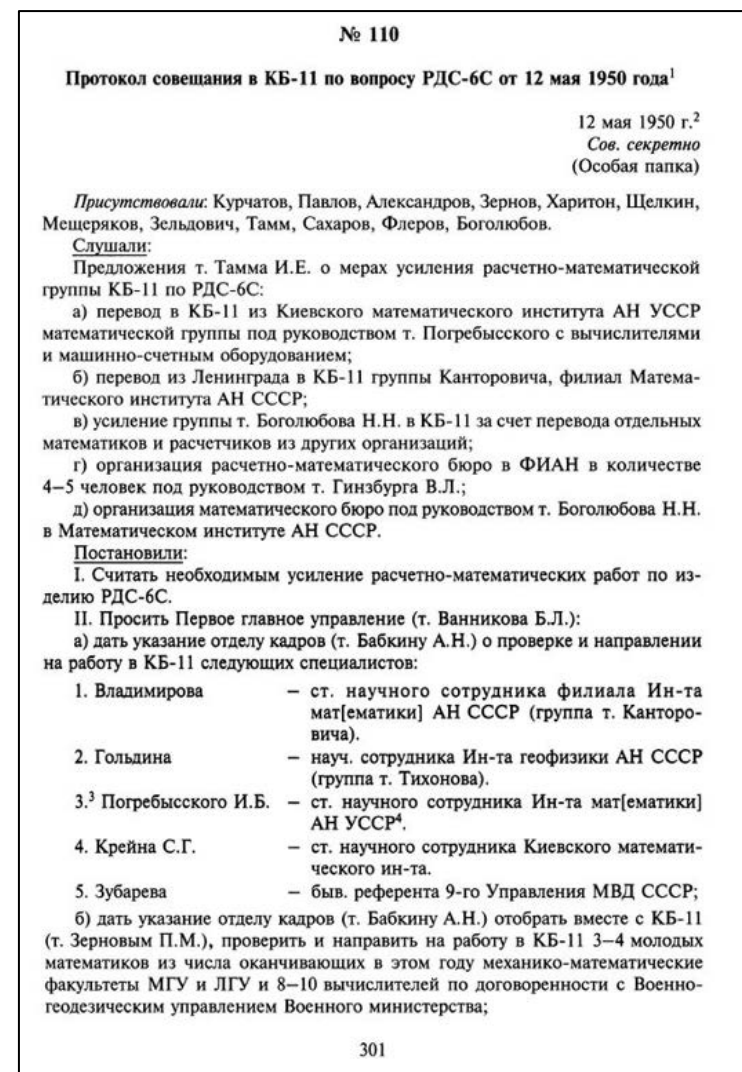
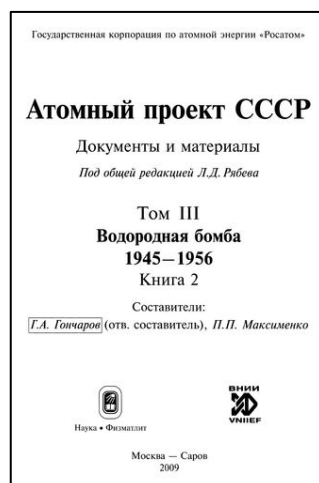
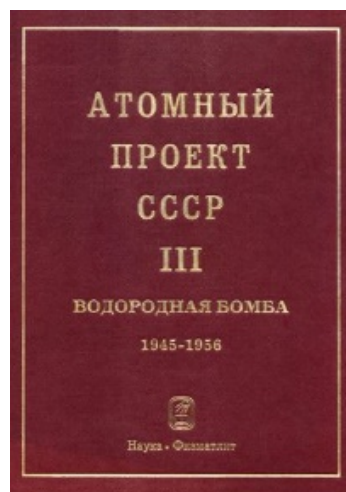
Это помогло мне на следующий день при сдаче устного экзамена по математике (письменно я уже сдал на «отлично») самому Марку Александровичу (похоже, что он специально из-за меня задержался в аудитории). Волею судеб в экзаменационном билете оказались комплексные числа. На вопрос о формуле Муавра я ответил в соответствии с приведенными рекомендациями. А возведение в степень (кажется, четвертую) комплексного числа я осуществил с помощью бинорма Ньютона. После этого участь моя была решена. Я стал студентом математико-механического факультета ВГУ в начале его «золотого века». Но ведь шестидесятые годы были «золотым веком» и для КБХА, из которого я пришел на факультет, и для футбола - как воронежского, так и отечественного. Да и вообще, в эти годы все наше общество было заряжено на исследования и покорение всего нового.

Думаю, что этот заряд и помог мне попасть в число учеников выдающегося ученого и педагога мирового уровня Селима Григорьевича Крейна.

О моем учителе С.Г. Крейне

Выдающийся ученый и педагог, крупнейший специалист в области функционального анализа, гидродинамики, дифференциальных уравнений и их приложений, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Селим Григорьевич Крейн большую часть своей жизни (сорок пять лет с 1954г.) отдал созданию и развитию воронежской математической школы.

В годы войны Селим Григорьевич под руководством академика М.А. Лаврентьева работал над математическими проблемами теории кумулятивных снарядов. Затем работал в группе академика Боголюбова в КБ-11 по созданию водородной бомбы. В 1950 году в Академии артиллерийских наук защитил диссертацию на соискание степени доктора технических наук.

в) поручить т. Павлову Н.И. договориться с президентом АН СССР т. Вавиловым С.И. об усилении группы ФИАН (т. Гинзбург, Фрадкин) 4–5 расчетчиками;

г) считать нецелесообразным в настоящее время перевод в КБ-11 группы Канторовича из Ленинграда или группы т. Погребысского из Киева, а также организацию математического бюро в Математическом институте АН СССР под руководством т. Боголюбова.

III. Поручить т. Тамму И.Е. составить задание по расчетам отдельных элементов изделия РДС-6С для передачи его филиалу Института математики АН СССР (т. Канторовичу). Т.т. Павлову, Александрову и Харитону рассмотреть указанное задание и решить вопрос о передаче его для выполнения Ленинградскому филиалу Института математики АН СССР (т. Канторовичу).

19.05.50

И. Курчатов
Н. Павлов
А. Александров
П. Зернов
Ю. Харитон
К. Щелкин
Я. Зельдович
И. Тамм
Н. Боголюбов⁵

Исполнено от руки в 1 экз. на 3 листах.

13 мая 1950 г.

Исполнитель Павлов Н.И.

маш. № 397 оп.

Архив ВНИИЭФ. Ф. 1, оп. 2с, ед. хр. 26, л. 86–88. Автограф Н.И. Павлова.

¹ Заголовок документа.

² Датируется по дате проведения совещания.

³ Далее зачеркнуто: *Тябликова* и сверху вписано: *Погребысского И.Б.*

⁴ Зачеркнуто: *ученого секретаря Ин-та математики АН СССР* и вписано: *ст. научного сотрудника Ин-та математ. АН УССР.*

⁵ Боголюбов Николай Николаевич (1909–1992) — математик и физик-теоретик, основатель научных школ по нелинейной механике и теоретической физике, акад. АН СССР (1953), АН УССР (1948). Герой Соц. Труда (1969, 1979), лауреат Ленинской (1958) и Сталинской (1953) премий. В 1941–1943 проф. Педагогического ин-та в г. Уфе. Работал в Московском ун-те, Ин-те химической физики АН СССР, Математическом ин-те им. В.А. Стеклова, в КБ-11 (1950–1953) и Объединенном ин-те ядерных исследований. С 1965 по 1989 был директором ОИЯИ, а с 1989 по 1992 — почетным директором [12. С. 151], [16. С. 64–66].

О Селиме Григорьевиче Крейне я услышал в 1958 году. Мои знакомые студенты Лесотехнического института (теперь Лесотехническая академия) о нем восторженно отзывались. Лишь спустя четыре года (в 1962 году), будучи студентом 1 курса мат-меха ВГУ, я стал посещать семинар М.А. Красносельского и Б.С. Митягина по математическим моделям в медицине. Однажды (по-моему, лишь однажды, так как семинар работал не очень долго) на семинар пришел человек, который в моем первом впечатлении реализовал образ «светлой личности»: красивая седая шевелюра, розовощекость, светло-серый костюм с белым отложным воротником. Он посидел немного, задал вопрос по поводу двух дифференциальных уравнений, написанных на доске. Потом обмолвился с Марком Александровичем несколькими фразами и ушел. Так я впервые увидел С.Г. Крейна.

Настоящее знакомство произошло во втором семестре, когда я поделился первым своим научным результа-

том с Владимиром Ивановичем Соболевым, который читал нам в то время математический анализ. Но поскольку результат касался вопросов линейной алгебры, он посоветовал обратиться к С.Г. Крейну, что я и сделал с большим волнением. Мои волнения были напрасны. С.Г. Крейн отнесся ко мне очень доброжелательно. Он поставил мой доклад на ближайшую студенческую конференцию. На

С.Г. Крейн

втором курсе С.Г. Крейн читал нам курс линейной алгебры. И начиная с этого момента наши встречи стали регулярными. Надо признаться, что у Крейна я не пропустил ни одной лекции не только по линейной алгебре, но и по всем спецкурсам, которые он читал позже. Для меня это уникальный случай за все время моего обучения в вузах (ВГУ был третьим вузом, в котором я учился).

С.Г. Крейн – один из немногих людей (может быть, единственный), кому я в то время не боялся задавать вопросы, с кем не боялся делиться разного рода идеями, большей частью абсурдными. Говоря «безумству храбрых поем мы песню», он освобождал нас от комплексов, так собственных молодежи.

Первый экзамен Крейну (это была вышеупомянутая линейная алгебра) наш 2 курс сдавал в зимнюю сессию. Проводил его Селим Григорьевич следующим образом: первую партию (пять-шесть человек) впускал в аудиторию в девять часов утра. Обычно это были претенденты на пятерку. Билет состоял из двух вопросов. Если ответ был «пятерочный», то давалась задача. Задача такая, что разрешалось выходить из аудитории, сидеть в читальном зале, советовать с кем угодно, даже с докторами наук. Получив свою задачу часов в 11 дня, некоторое время подумав и поймав основную идею, я пошел в буфет.

Когда подошла моя очередь, к стойке подошел Крейн, которого как профессора обслужили вне очереди. Так мы оказались за одним столом. Он спросил о том, как продвигается решение моей задачи. Согласившись с моей идеей, добавил, что знает другой путь решения.

Пообедав, мы вместе пошли в спортивный зал, где в то время проходило первенство СССР по волейболу среди юношей. Селим Григорьевич любил спорт и, несмотря на

хромоту, хорошо играл в волейбол. Как-то много позже, когда я стал аспирантом, он упрекнул меня за то, что я не сказал ему о нашей игре в футбол с вьетнамскими студентами и аспирантами, которую он бы с удовольствием посмотрел.

После волейбола экзамен продолжался. Реализовав свою идею часам к семи вечера, я понял, что, кажется, могу рассчитывать на то, чтобы стать учеником Крейна.

А потом Селим Григорьевич загорелся идеей зимней математической школы и с энтузиазмом стал претворять ее в жизнь. Он подключил к активной работе над ее реализацией весь профессорско-преподавательский состав факультета. В оргкомитет школы вошли многие студенты и аспиранты. Каждый отвечал за свой сектор в организации работы и досуга школы. Например, футбол поручили курировать профессору В.С. Митягину. Мне пришлось работать в стенгазете художником. Здесь и пришла идея снежной бабы на эмблеме школы. Приятно вспоминать, с каким удовольствием Селим Григорьевич подписал эскиз эмблемы. Уже спустя несколько лет, когда школы стали традиционными (кажется, это было в Углянце), Крейн, глядя на эмблему школы, как-то серьезно сказал: «Все умрет, а останется только она». Конечно, он имел в виду то, что Воронежские зимние математические школы будут жить долго. Но похоже он ошибся, став свидетелем первых двух не состоявшихся, в связи с перестройкой, школ в 1992 и 1993 годах. Правда, единственное утешение после этой первой «заботы о математике» нашего нового правительства явилось то, что водка, купленная для банкета школы, через два года, которые она простояла в кабинете Крейна, стала в 100 раз дороже, что для оргкомитета наконец состоявшейся школы было немаловажно.

Но это было позже. А на первой математической школе все были веселы и молоды, и Крейн не был исключением. Слушали лекции, делали доклады, играли в футбол, шахматы, пели, танцевали и пили водку так, как учил С.Г. Крейн — «из стаканов, но не стаканами».

В то время С.Г. Крейн выполнял большой объем работ. Являясь заведующим кафедрой, он руководил двенадцатью аспирантами, читал лекции и участвовал в конференциях в разных городах. Он говорил, что не был только на Курильских островах. Кроме того, будучи деканом, он отстаивал интересы факультета в самый сложный период (именно в то время из Воронежа уехал М.А. Красносельский из Воронежа). В результате — инфаркт.

С.Г. Крейн и В.А. Костин на семинаре

Это случилось накануне открытия второй зимней математической школы. Но и в этой тяжелой ситуации Крейн остался Крейном. К открытию школы он из военного госпиталя прислал поздравительную телеграмму в зимнюю школу за подписью: «С сердечным приветом. Крейн»

Мне кажется, что эта предельно короткая фраза точно отражает его великое человеколюбие и остроумие. В остроумии же Крейну не было равных. Вот лишь один из многих примеров, запомнившихся мне, скорее всего потому что он связан с дорогами для меня именами. На банкете по случаю защиты диссертации Володи Овчинникова сообщается что, у присутствующего здесь аспиранта Саши Панкова родился сын, которого он назвал Марком. В поздравлении с этим событием Крейн вдруг говорит: «Саша, я на тебя обиделся... Почему ты назвал сына Марком Александровичем (имелся ввиду М.А. Красносельский), а не Селимом Григорьевичем» (ныне Александр Андреевич Панков - профессор университета в США).

Будучи больным, он продолжал работать с прежней любовью к делу и к своим ученикам. Даже находясь в больнице, он принимал наши записки (а нас у него, как я уже говорил, было двенадцать) и прятал их от врачей под подушку. Несмотря на болезнь, мне кажется, он и потом не изменил своим привычкам.

Приехав в санаторий в Подлипках, где он продолжал лечение после больницы, я увидел его идущим под ручку с симпатичной женщиной.

Уже после операции на сердце в Соединенных Штатах Крейн пришел в университет, и вновь оказался в окружении прекрасных дам. На мой вопрос об отношении «американского сердца» к женщинам. Селим Григорьевич ответил: «Наших женщин любит любое сердце».

Зимние математические школы С.Г. Крейна

Как было сказано, в 1967 году С.Г. Крейна захватила идея проведения зимних математических школ.

Авторитет С.Г. Крейна привлекал сюда математиков самого разного уровня от студента до академика.

*3-я зимняя математическая школа. 1969 год
Дом отдыха им. Дзержинского*

Трудно переоценить значение этих школ-симпозиумов в деле создания и развития новых научных направлений.

В настоящее время школа получила международный статус. Ее бессменными руководителями, начиная с 2006 года, являются академики РАН Виктор Павлович Маслов – председатель оргкомитета и Анатолий Тимофеевич Фоменко – председатель программного комитета.

В.П. Маслов

В.П. Маслов выдающийся специалист в области математической физики, дифференциальных уравнений, функционального анализа, механики и квантовой физики.

С 1992 - 2016, вслед за Н.Н. Боголюбовым, возглавлял кафедру квантовой статистики и теории поля в МГУ. Н.Н. Боголюбов и С.Г. Крейн были оппо-

нентами при защите докторской диссертации Маслова на тему «Теория возмущений и асимптотические методы». Разработал асимптотические методы, широко применяемые к уравнениям, возникающим в квантовой механике, теории поля, статистической физике, абстрактной математике, и носящие его имя.

В 1986 году руководил группой экспертов-математиков, участвовавших в создании проекта захоронения аварийного блока Чернобыльской АЭС.

С начала 90-х г. Виктор Павлович работал над использованием уравнений математической физики в экономике и финансовом анализе. При расчетах использовались уравнения, аналогичные уравнениям фазового перехода в физике.

Государственная премия СССР (1978), Золотая медаль им. А.М. Ляпунова (1982), Ленинская премия (1985), дважды лауреат Государственной премии РФ (1997, 2013), Демидовская премия (2000).

Другим выдающимся нашим современником, оказывающим поддержку воронежским научным школам,

является академик РАН А.Т. Фоменко, доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой механико-математического факультета Московского государственного университета.

А. Т. Фоменко

Выдающийся специалист в по многомерному вариационному исчислению, дифференциальной геометрии, теории групп и алгебр Ли, симплектической и компьютерной геометрии. Действительный член общественных организаций «Российская академия естественных наук» и «Международная академия наук высшей школы». Автор нескольких книг по разработке и применению но-

вых эмпирико-статистических методов к анализу исторических летописей, хронологии древности и средневековья. Эти работы поставили академика А.Т. Фоменко в один ряд с выдающимися учеными всех времен, начиная с И. Ньютона, применявших математические методы при решении проблем в истории, которые уточняли датировку древней истории.

А.Т. Фоменко хорошо известен в научном мире как оригинальный художник-график. Избранная коллекция его работ, любезно подаренная им Воронежскому государственному университету, является бесценным экспонатом университетского музея. Эту грань многогранного таланта он успешно использует в разработке математических методов познания окружающего мира через геометрические образы.

Автор более 200 научных работ, 30 монографий и учебников.

Лауреат Государственной Премии РФ в области математики (1966) за цикл работ по теории многообразий и гамильтоновых динамических систем.

Вот такие знаменитости прошли полувековой путь участники школы С.Г. Крейна.

Наряду с этим, следует обратить внимание на еще одно важное обстоятельство, характеризующие эти школы. В них четко обозначилось содружество «умственного и физического», заключающегося в популярности футбола среди участников этих школ, где эта игра традиционно объединяла многие поколения математиков, независимо от их возраста, ученой степени, города и государства.

Пусть поле не как на стадионе «Уэмбли», но уж очень хочется поиграть в футбол. Математики из США, Москвы, Киева и Воронежа пытаются это сделать на одной из конференций. А автор на этом снимке утонул в снегу.

По существу, футбол стал необходимой потребностью зимних математических школ.

Как здесь не отметить наших друзей, известных в мире московских математиков Б.С. Митягина, братьев А.М. и М.М. Виноградовых, В.И. Буренкова, М.Л. Гольдмана. Правда в преданности футболу им не уступали и наши воронежцы, такие как В.Г. Задорожный, А.Г. Баскаков, В.П. Орлов, Л.Н. Ляхов и другие.

С добрым чувством вспоминаю знаменитого профессора, работавшего у нас в шестидесятые годы, заместителя директора института математики Дюиса Даниловича Ивлева, которого вместе с его многочисленными учениками Г. И. Быковцевым, Ю.М. Мяснянкиным, Н.Д. Вервейко, А.Д. Чернышовым и другими регулярно видели на лугу (тогда еще водохранилища не было) с футбольным мячом. Складывалось впечатление, что игра в футбол входит в обязательную программу обучения в аспирантуре у Дюиса Даниловича.

Харальд Бор

Не без гордости можно говорить о футбольных достижениях математиков и на высшем международном уровне. Так, основоположник теории почти-периодических функций Харальд Бор, брат знаменитого физика Нильса Бора, в составе сборной футбольной команды Дании стал в 1908 году в Лондоне серебряным призером Олимпийских игр, забив в полуфинале два гола в ворота сборной Франции.

Разумеется, количество примеров, демонстрирующих союз «мяча и интеграла», можно было бы продолжать, однако они обычно показывают, что футбол является лишь надстройкой над первичным математическим базисом.

Его популярность как футболиста была такова, что армия футбольных фанатов не знала, что Бор математик и значительно превосходила аудиторию ученых, интересующихся математическими проблемами Бора. В настоящее время, спустя столетие, теория почти-периодических функций Бора стала фундаментальной в исследовании колебательных процессов, и мало кто знает, что Х. Бор был футболистом.

Проблемы семидесятых

Защитив досрочно кандидатскую диссертацию в 1970 году, я был удостоен высокой чести стать доцентом кафедры функционального анализа и операторных уравнений (КФА), основанной М.А. Красносельским. К этому времени Марк Александрович уже работал в Москве, а возглавлял кафедру также выдающийся математик, профессор Павел Евсеевич Соболевский.

Итак, все складывалось в пользу продолжения выбранного мной пути. К тому же, в начале 1971 года мне была предложена стажировка в парижской Сорбонне. По тем временам это было нечто невероятное, и я, конечно, с восторгом принял это предложение. Довольный С.Г. Крейн, мой научный руководитель, говорил, что из всех близких ему математиков во Франции был только В.И. Арнольд³. По этому поводу он пообещал связаться с Ж.Л. Леонсом⁴, с которым он подружился на конгрессе в Москве. Стажировка планировалась на 1972 год.

Началась подготовка. В нее входили шестимесячные курсы французского языка (этот язык я учил в школе и в университете) и довольно основательная медицинская комиссия. Помнится, врач, бравший у меня анализ крови из вены на сифилис, пошутил: «Зачем нужен этот анализ при поездке в Париж, его нужно брать по приезду оттуда».

³ Арнольд В.И. - выдающийся советский математик, будучи студентом МГУ получил Ленинскую премию вместе с академиком А.И. Колмогоровым (1965), член многих иностранных академий наук.

⁴ Леонс Ж.Л. - выдающийся французский математик, иностранный член АН СССР (1982), президент французской академии наук с 1991 по 1998 годы.

Между прочим, эта шутка содержала долю правды, основанную на наших представлениях о французском образе жизни того времени. Вместе с этими мероприятиями, разумеется, проходила и проверка соответствующими органами моего досье. Но так как в этом плане меня уже проверяли до «адамова колена» в КБХА, здесь я был спокоен. И как оказалось напрасно. Самым же досадным оказалось то, что «ахиллесовой пятой» в этом деле оказалась моя комсомольская жизнь.

К маю 1972 года подготовка завершилась, нужно было ехать в Москву. Вдруг меня приглашают в первый отдел, где тихо был задан один сокрушающий вопрос: «А что у Вас было с комсомолом?» Этот гром среди ясного неба, с одной стороны, как бы разбудил меня от того сна, в котором мы обычно получаем что-то желаемое, а проснувшись, понимаем, что это сон. Надо сказать, я даже был готов к подобному исходу, так как мы не имеем привычки говорить «гоп!» раньше времени. С другой стороны, этот вопрос заставил меня вспомнить события более чем десятилетней давности, вообще не относившиеся ко времени моего пребывания в университете, но о которых мне пришлось поведать начальнику этого отдела. Попросту говоря, еще в 1962 году формально за неуплату членских взносов, а по существу - по собственному желанию я выбыл из этой организации. Причем, произошло это при моем увольнении из КБХА, поскольку я становился студентом университета. Оказалось, что за все время моего пребывания на мехзаводе и в КБХА, то есть более чем за два года, мною не были уплачены членские взносы. Удивительно, но и для секретаря комсомольской организации этот факт оказался новостью. По-видимому, это было следствием того, что в условиях «хрущевской оттепели» на первом месте у коллектива было

решение грандиозных производственных задач. Не понимая, как это могло случиться, секретарь сказал, что просто за неуплату взносов из комсомола исключить нельзя, так как я принимал активное участие (он это подчеркнул) во всех их мероприятиях. Тогда, идя мне навстречу, он предложил заплатить взносы по минимально допустимой сумме. Но и этих денег у меня просто не оказалось. Разрубая этот узел, я вышел из комсомола.

Выслушав меня, Алексей Денисович (начальник отдела) через день или два сообщил, что по его ведомству у него ко мне вопросов нет, но против моей поездки возражает ректор В.П. Мелешко, и предложил поговорить с ним.

Но к ректору я не пошел, так как все было ясно и все становилось на свои места. Дело в том, что отношение В.П. Мелешко с С.Г. Крейном, да и вообще с математическим факультетом, мягко говоря, не сложились. Следствием этого и был уход Крейна в Лесотехнический институт, а перед этим (1969 год) открытие альтернативного факультета прикладной математики и механики (ПММ). Об этом также говорит и замена руководства НИИ математики, состоящего из ведущих профессоров: В.И. Соболева, директора, и двух его заместителей - С.Г. Крейна и Д.Д. Ивлева одним доцентом С.А.Складневым. Надо отметить, что создателем этого института был именно С.Г. Крейн.

О степени «любви» ректората и парткома ВГУ к С.Г. Крейну красноречиво говорит следующий полет их изощренной фантазии. На седьмую зимнюю математическую школу не разрешено было приглашать старших преподавателей. Крейн говорит: «А дело было в том, что ректор плохо относился к одному выпускнику ВГУ, который работал старшим преподавателем в ЛТИ (Лесотехнический институт). Когда раздавали путевки, этому преподавателю отка-

зали». Замечу, что этим выпускником был один из талантливейших учеников Крейна Петя Кучмент. Ныне Петр Абрамович - профессор в США.

И так стажировка сорвалась. Однако новость десятилетней давности о моей неверности комсомолу резко активизировала работу партийного бюро факультета, особенно его секретаря. Этот активист, проявляя бдительность, уличал меня в обмане советской власти как в момент поступления в университет, так и при защите диссертации. Он сразу начал «шить» мне дело.

В то время я работал в должности доцента на кафедре функционального анализа, куда Павел Евсеевич Соболевский взял меня, минуя должность преподавателя или ассистента. Но для получения звания доцента, помимо научно-педагогических успехов, необходима была рекомендация (характеристика) партбюро факультета. Вот здесь-то и начали «прищучивать» меня молодые коммунисты. Именно молодые. Так как маститые ученые, такие как профессора В.И. Соболев, И.С. Иохвидов, Я.Б. Рутницкий, будучи членами партии, в партбюро не входили. Но именно они-то и поддерживали меня. Более того, в партийном бюро факультета не было не только профессоров, но даже не все его члены были кандидатами наук. Такая вот идейно-профессиональная гармония.

В этой связи вспоминаю такой эпизод. Накануне одного из праздников, посвященных 1 Мая, В.М. Щербин, один из членов партбюро, с возмущением жаловался на студента, но уже тогда известного математика, имеющего награды за научную работу Володю Овчинникова, отвечающего за какие-то флажки, но вовремя не доложивший о соответствующей готовности. Заполнилась фраза, высказанная Щербиным: «Какие пошли несознательные сту-

денты, с детства присосутся к профессору (научному руководителю), а дела пусть делают другие». Неудивительно, что из того состава партбюро никто не приблизился к степени доктора наук. А Володя Овчинников (Владимир Иванович Овчинников) – один из известных в нашей стране и за рубежом математик, профессор кафедры математического моделирования ВГУ.

В.А. Костин и В.И. Овчинников

Между тем их провокационные фантазии по отношению ко мне продолжались. Например, сообщается, что моя характеристика будет рассматриваться такого-то числа. Спрашиваю о шансах на ее подписание. В ответ пожимают плечами. Являюсь. За столом пять или шесть человек, знающих меня за десять лет нашей совместной учебы и работы, как говорится, «от и до».

Секретарь задает вопрос: «Владимир Алексеевич, почему Вас выгнали из комсомола?». Ответ: «Никто меня не выгонял, я ушел из этой организации добровольно, потому

что у меня не было денег, чтобы заплатить членские взносы». Интересно, что этот вопрос уже до этого много раз мне задавался в неофициальной обстановке, и я на него отвечал. Вопросов больше нет. Решение откладывается до следующего раза, который случится не ранее, чем через полгода.

Проходит этот срок. Снова та же «сцена» (аудитория), те же действующие лица. Какой же вопрос задаст секретарь на этот раз? И вдруг: «В.А., почему Вас исключили из профсоюза?». Все в удивлении, и я тоже. Оказывается, мне нет места даже в профсоюзе, какой же я несознательный! Но фокус в том, что в то время я был не только членом профсоюза, но даже председателем партбюро факультета, о чем и проинформировал партийных активистов. Однако, решив, что в этом деле надо разобраться, они снова отклонили подписание характеристики на неопределенный срок. Выходя после заседания из аудитории, спрашиваю у Щербина: «В чем вы собираетесь еще полгода разбираться? В том, что ваш секретарь соврал? Я же член профсоюза». На что Вася, нахмутив свои густые брови, но как бы доброжелательно, прошептал: «Молчи, молчи. Ты что, хочешь нажать себе еще больших неприятностей?»

Так продолжалось в течение шести лет. Меня принуждали уйти из университета. Наконец, в какой-то момент мне это надоело, и я, подав на конкурс в НИИ комбикормов, успешно его прошел. Но, к счастью, друзья остановили меня, и в первую очередь, Дима Заславский (ныне Даниил Заславский - известный поэт), с которым мы дружим со второго курса. Не уходить - меня он убедил словами, что факультет - это наш дом, а дома поругают, поругают, да и перестанут. Тем более, что меня поддерживают все ученые факультета. И я остался.

Его правота полностью подтвердилась, но только в 1978 году. Мне же подписал характеристику сам секретарь парткома университета, проигнорировав мнение нашего активиста. Случилось это, когда я захотел поехать в международный круиз вместе с женой.

На этот раз причину отказа в подписи характеристики наш секретарь факультета мотивировал тем, что я, по его мнению, использовал наемный труд студентов в личных целях. Как всегда, это звучало неожиданно. Начал выяснять, откуда он выкопал этот вопрос.

Оказывается, что еще в мою бытность, аспирантом весной 1970 года, ко мне подошел секретарь комсомольской организации факультета Саша Красненкер⁵. Он, зная, что моя семья строит квартиру хозспособом, за которую нужно отрабатывать часами, спросил: «Нельзя ли на этой стройке в честь 100-летия Ленинского юбилея заработать в комсомольскую копилку денег?» Я поговорил с прорабом этой стройки, и с его разрешения в один из воскресных дней группа активных комсомольцев за пару часов заработала некоторую сумму, которая была передана в комитет комсомола университета.

Вот этот эпизод и имел в виду председатель партбюро факультета, когда по прошествии уже восьми лет аргументировал свое нежелание в очередной раз подписать мою характеристику. Но акция пополнения комсомольской кассы была согласована с парткомом университета. Поэтому он оказался в роли услужливого субъекта, который опаснее врага, что и привело не только к подписанию (наконец-то) моей характеристики без его согласия, но и к скорой его замене на посту партийного лидера факультета.

⁵ Красненкер А. С. В годы перестройки уехал в Москву, где работал коммерческим директором компании Аэрофлот под руководством Б.А. Березовского

Что же касается меня, то это событие полностью «узаконило» мое пребывание на факультете, и я получил ученое звание доцента, что принесло мне, помимо морального удовлетворения, и существенную прибавку к зарплате.

КФА и П.Е. Соболевский

Я уже называл некоторых ученых, поддерживавших меня. Но, конечно, основной силой, благодаря которой я остался в университете, был коллектив нашей кафедры функционального анализа (КФА). Научная работа и профессионализм - вот составляющие идеологии, проповедуе-

П.Е. Соболевский

мой на кафедре, скрепленной дружбой. При этом у нас был признанный лидер, выдающийся ученый Павел Евсеевич Соболевский. Метод Танабе-Соболевского уже тогда стал классическим в мировой математике. Павел Евсеевич считал себя учеником и М.А. Красносельского и С.Е. Крейна. Но поскольку в то время его работы в основном относились к теории линейных дифференциальных уравнений в банаховом пространстве, то в этом смысле он был, пожалуй, ближе к С.Е. Крейну. Интересно то, что Павел Евсеевич, как и я, был причастен к СХИ, где он тоже учился, но в аспирантуре в 50-е годы. Поскольку мои научные интересы и результаты также относились к тематике С.Е. Крейна, то, по-видимому, это стало решающим аргументом для согласия Соболевского на мой переход из НИИ математики на его кафедру. Аспирантуру же я заканчивал по кафедре уравнений с частными производными и теории вероятностей, когда ею еще заведовал С.Е. Крейн. Мои же

результаты Павлу Евсеевичу были хорошо известны, к тому же он был рецензентом моей дипломной работы.

Коллектив кафедры функционального анализа. 1998г. Слева направо. Сидят: И.Я. Новиков, Ю.Т. Сильченко, А.П. Петрова, Б.Н. Садовский (зав. кафедрой), В.В. Смагин, С.М. Семенов, стоят: В.И. Сандберг, А.В. Андреев, А.В. Глушко, Е.А. Лифшиц, С.В. Григорьев, В.А. Костин, С.Г. Валухов, В.М. Герштейн.

Однако, чтобы вписаться в научную жизнь кафедры, мне пришлось несколько «попотеть». Только после трех или четырех моих докладов на кафедральном семинаре я ощутил полное доверие П.Е. Соболевского. И в дальнейшем, в течение двадцати лет, я имел поддержку с его стороны как в научном плане, так и в преодолении вышеописанных недоразумений, за что я ему сердечно благодарен. Он внимательно следил за моими научными результатами, несмотря на то, что я не являлся его прямым учеником (я же считаю его своим учителем, как и С.Г. Крейна). Он первым из математиков сказал, что мои результаты заслуживают докторской диссертации. Случилось это после решения мною одной задачи, связанной с так называемой проблемой «абстрактной косинус-функции», несколько лет стоящей и

активно обсуждаемой многими отечественными и зарубежными математиками. Тогда же он познакомил меня с иностранными учеными Да Пратто (Италия), Дж. Голдстейн (США), Ф. Клемент (Нидерланды) впервые приехавшими по его приглашению на воронежскую зимнюю математическую школу, которых интересовала эта проблема и которым я рассказал свои результаты.

Как крупный ученый Павел Евсеевич имел плодотворные научные связи с коллегами из разных стран. И все же его решение остаться за границей было неожиданным не только для нас, но и для него самого. Он никогда не планировал этого. Но случилось так, что семья его дочери Марины уже жила в Израиле. И вот в одной из командировок, когда он был у них в гостях, произошло, как он говорил, следующее: «Я уже собрался уезжать, сидел, что называется, на чемоданах, как вдруг Сашка (внук) попросил: «Дедушка, не уезжай!», вот я и остался».

Доброте этого человека я обязан сохранением моего рабочего места в университете.

Волею судеб сейчас Соболевский оказался в Бразилии, где и завершил свой жизненный путь.

Снова КБ «Химавтоматика» и футбол

При моем увольнении из КБХА (в связи с поступлением в ВГУ), со мной по-отечески доброжелательно поговорил в то время заместитель главного конструктора Александр Дмитриевич Конопатов. Поздравив с поступлением и пожелав успехов, он сказал слова, удивившие меня, их я помню и теперь: «Молодой человек, имейте в виду, что из организации мы Вас не увольняем и ждем после окончания университета». Надо сказать, что в некотором смысле и на новом уровне возвращение состоялось.

Случилось же это через двадцать лет при следующих обстоятельствах. В 1978 году мне как заместителю декана математического факультета было поручено организовать набор в группу для лиц, имеющих высшее техническое или естественнонаучное образование, желающих углубить свои знания в области математики, необходимые в их практической деятельности, а не в скоростном перескакивании в модно-престижные направления, как это теперь принято. Подчеркиваю - это. Поэтому, в этой, как теперь выяснилось, судьбоносной для нас группе, были представлены выпускники самых престижных (в то время) технических вузов страны, таких как МВТУ им. Баумана, Московского, Харьковского и Казанского авиационных институтов, где, как известно, математика преподается на высшем уровне.

При этом пять студентов этой группы – С.Г. Валюхов, Д.В. Горохов, В. Дроздов, А.М. Слиденко, А.М. Кадырметов имели инженерно-конструкторский стаж в КБ Химавтоматики.

Но самое интересное, было то, что из перечисленных первые четверо были членами футбольной команды конструкторов КБХА, ставшие обладателем Кубка КБХА 1980 года.

Обладатели кубка КБХА в 1980 году.

Капитан команды С. Валухов (стоит первый справа), А. Слиденко (стоит первый слева), В. Горохов (стоит второй слева), В. Дроздов (сидит первый слева)

Сергей Георгиевич Валухов

В 1977 году окончил МВТУ им. Н. Баумана. В 1983 году окончил математический факультет ВГУ. Генеральный конструктор, генеральный директор АО «Турбонасос». Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Нефтегазового оборудования и транспортировки» Воронежского государственного технического университета, заслуженный конструктор РФ.

Виктор Дмитриевич Горохов

С 1976 года после окончания Харьковского авиационного института работает в КБХА. В 1983 году окончил математический факультет ВГУ. Прошел путь от инженера-конструктора до заместителя генерального конструктора. Под его руководством в КБХА проведены и продолжают осуществляться работы по созданию ряда ракетных двигателей. В настоящее время является

главным конструктором предприятия.

Александр Михайлович Слиденко

В 1974 году окончил Харьковский авиационный институт. В 1984 году окончил математический факультет ВГУ. С 1974 по 1993 годы работал конструктором в КБХА. В настоящее время доцент кафедры экономического анализа, статистики и прикладной математики в ВГАУ. Кандидат физ.-мат. наук, автор многих научных публикаций

и авторских свидетельств.

Сергей Георгиевич Валюхов и кафедра математического моделирования

Именно выпускник этой группы (а перед этим выпускник МВТУ им. Баумана) Сергей Георгиевич Валюхов, стал у истоков создания нашей кафедры математического моделирования (КММ).

Буквально сразу после выпуска в 1983 году начались наши научные контакты с КБ «Химавтоматика». Они проходили в рамках хоздоговоров по кафедре функционального анализа. Но уже в начале девяностых годов С.Г. Валюхов вместе со своим отделом выделился в самостоятельную организацию АО «Турбонасос».

С этого момента наши связи стали постоянно расширяться и углубляться. Перед нами ставились актуальные и важные, с производственной точки зрения, задачи. В то же время они были новыми и интересными для нас, так как фундаментальные математические исследования реализовывались в конкретном производственном процессе. Сюда относятся исследования по геометрии винтовых шестеренчатых зацеплений, теории движения жидкости в гидроциклоне, задачи по теории гидроцепей и многое другое.

К этому времени у нас сформировался исследовательский коллектив единомышленников, в который входили представители не только КФА, но и других кафедр и даже факультетов. Стал вопрос о создании учебно-научной лаборатории, которая была открыта в 1997 году при полной финансовой поддержке со стороны предприятия «Турбонасос». Оставался последний шаг к созданию кафедры. И он был сделан уже через год.

Кафедра математического моделирования в 2018 году.

Слева направо. Сидят: И.С. Гудович, Ю.И. Сапронов, В.А. Костин (зав. кафедрой), Г.Б. Савченко. Стоят: М.Н. Небольсина, А.П. Орлов, Д.В. Костин, С.Л. Царев, А.П. Карпова, А.В. Костин, Н.Б. Подтынные.

Так, в 1998 году в ВГУ родилась кафедра математического моделирования (КММ), освященная делами и идеями выдающихся наших современников С.А. Косберга, М.А. Красносельского, С.Г. Крейна.

Фамилиями этих замечательных людей, олицетворяющих ушедшую эпоху и бывших примером для молодых, закончились мои воспоминания в первом издании. Но жизнь заставляет искать подобные примеры в современной жизни для наших детей и внуков. В связи с этой актуальнейшей проблемой приведу слова известного писателя Даниила Гранина, сказанные в «Литературной газете» №42 (2011) в его интервью «Не барышом единым»: «Да, прежние кумиры сброшены или забыты - стоят пустые пьедесталы. В результате мы живем в беспримерии. Что такое наши миллиардеры? Они пример? К сожалению, да. Но этот пример не приведешь своему сыну или дочери. Не скажешь: вот, смотри, они всего достигли, потому что сделали много полезных вещей - открыли, изобрели, организовали». Так вот, именно последним требованиям и соответствует Сергей Георгиевич Валюхов.

В этом меня убедили более чем 30-летние контакты с ним и его деятельностью. Он и только он, начиная, как говорится, с нуля, преодолевая интриги, кредиты, тысячи километров пути в течение тех двух десятилетий, когда уничтожался промышленный и интеллектуальный потенциал страны, создал научно-производственное предприятие, ставшее гордостью нашего города. В своем приветственном письме участникам VI научной конференции СИИТ-11 (системы, насосы, турбины), также организованной Валюховым, мэр города Воронежа С.М. Колиух сравнил ФГУП «Турбонасос» с верфями Петра Великого, заложенными в Воронеже для строительства кораблей. При этом он подчеркнул, что, благодаря этой организации, в области ведется работа российских и зарубежных ученых и специалистов по созданию и эксплуатации насосного оборудования.

А это дает серьезные предпосылки для практического внедрения инвестиционных разработок в базовых отраслях экономики не только в России, но и за рубежом.

Хочется немного отвлечься от генеральной линии повествования и на следующих двух страницах рассказать о продукции этого предприятия.

АО «Турбонасос» - одно из ведущих предприятий ГК «Роскосмос», разрабатывает и изготавливает наряду со спецтехникой разнообразное насосное и другое энергетическое оборудование для базовых отраслей промышленности. Одна из приоритетных задач предприятия - реализовать на рынке продукции гражданского назначения достижения оборонной промышленности.

В настоящее время С.Г. Валюхов - генеральный конструктор, генеральный директор АО «Турбонасос», заведующий кафедрой нефтяного оборудования и транспортировки Воронежского государственного технического университета, академик инженерной академии, доктор технических наук, профессор. Путь к этим регалиям он начал в казачьей столице Новочеркасске, где окончил школу с золотой медалью, что позволило ему стать студентом одного из самых престижных вузов СССР Высшего технического училища им. Баумана, которое он также закончил с отличием. Далее, как я уже говорил, творческие поиски и желание серьезной деятельности привели его на наш математический факультет.

В моей же памяти отчетливо сохранилась его защита дипломной работы. Председателем ГЭКа был сам С.Г. Крейн, который, будучи доктором технических наук, не был дилетантом в производственных задачах (а именно, к их решению С.Г. Валюхов применял математические методы), и потому с прикладными работами у Крейна не было проходных задач. Был случай, когда он поставил «тройку»

на вечернем отделении одному из руководителей известной в городе организации, выступившему на своей защите с работой, созданной его рабочим коллективом.

К счастью, защита С.Г. Валюхова запомнилась в противоположном смысле. Мы, члены комиссии, видели, что доклад и сама работа С.Г. Крейну понравились, казалось, что после нескольких вопросов по ее теме, как это обычно бывает, защита успешно закончится. И вдруг С.Г. Крейна «дернуло» задать вопрос по «чистой» математике, точнее по дифференциальным уравнениям с разделяющимися переменными и их решению. Все присутствующие замерли. Ведь этот вопрос лежал в стороне от методов, используемых в работе. Но к общей радости всех членов комиссии и всех присутствующих, Сергей достойно с ним справился. Всех больше этому радовался сам С.Г. Крейн.

После защиты он признался, что в отличной оценке он не сомневался и поэтому рискнул задать этот дополнительный вопрос с желанием довести впечатление о выпускнике до блеска. И Валюхов не подвел.

АО «Турбонасос» - друг науки, образования и спорта

Являясь «двойной звездой» науки и производства, а кроме того и серьезным любителем футбола, будучи кандидатом в мастера по этому виду, Сергей Георгиевич находит возможность организовывать и спонсировать мероприятия, связанных с этими видами деятельности.

Так как профессиональный математик, окончивший университет во времена С.Г. Крейна, он является постоянным членом оргкомитета зимних математических школ, о которых говорилось ранее и оказывает финансовую поддержку в их проведении.

*VI международная научно-техническая конференция «СИИТ-13».
В центре организатор и председатель С.Г. Валюхов*

В тоже время настоящим детищем С.Г. Валюхова является проводимые каждые два года, начиная с 2001г. в Воронеже организацией «Турбонасос», Международные научно-технические конференции «СИИТ» (СИстемы,

Насосы, Турбины), посвященные обсуждению проблем разработки, производства и эксплуатации насосов, турбин, компрессоров и другого промышленного оборудования.

На конференциях СИНТ проводится презентация продукции и инновационных разработок проектных, конструкторских и производственных предприятий и организаций из России, стран СНГ и дальнего зарубежья.

Журнал
«Насосы. Турбины. Системы»

Популярность конференции СИНТ показывает, что партнерами Турбонасоса являются крупнейшие предприятия теплоэнергетического комплекса страны, в числе которых «Газпром», «Роснефть», «Транснефть».

Совместная работа воронежских ученых и производителей позволило сформировать имидж города как производителя насосного оборудования, о чем свидетельствуют результаты научно-технической конференции. Для обмена опытом специалистов, продвижение новых идей и проектов АО «Турбонасос» учредил научно-технический журнал «Насосы. Турбины. Системы».

Ну, и снова о футболе. При этом, оставаясь любителем футбола и профессиональным математиком, Сергей Георгиевич, является спонсором мероприятий, посвященных футболу:

2010г. Юбилей, посвященный 75-летию основателя ФК «Факел» КБХА В.Н. Скачилова. В рамках которого были проведены два футбольных матча между командами

«Кристалл» (г. Воронеж) тренер команды П.Д. Ковалек и командой «Темп» (г. Богучар) тренер команды О.В. Плужников.

2016г. 55-лет ФК «Факел». После того как о своих суждениях по поводу точной даты первого официального матча команды КБХА «Факел» я сообщил председателю проекта «Век футбола. 1908-2008» президенту МОА «Черноземье» и ВООО «Федерация футбола» Р.А. Ходееву и вице президенту В.Г. Проскурину, было принято решение, используя документальные исследования журналиста А.Гудкова, считать такой датой **4 июня 1961 года**.

В связи с этим, было решено провести юбилейное мероприятие, посвященное этому событию, финансовую поддержку которого согласилось дать АО «Турбонасос».

Члены оргкомитета: (слева направо) Б. Скрыльников, Ю. Шевелев, В.Костин, А. Макаревич, А. Михайлов, И. Мамчук, В. Усенко, В. Проскурин, В. Садеков, Б. Дворкин, В. Скачилов, Н. Боул, Р. Ходеев, (в верхнем ряду) В. Филиппов

Юбилейный матч бы проведен между двумя командами Детской спортивной школы «Чайка». Тренеры Н. Боул и В. Черников

Но, особую благодарность заслуживает его поддержка многолетнего сотрудничества Воронежского госуниверситета со среднеобразовательными учреждениями Верхнемамонского района, в результате которого был создан в 1996 году единственный в стране математический спец. класс в лицее № 1.

*Мат.класс. Единственный в России в сельской школе. 1996г.
В первом ряду (слева направо): аспирант А. Андреев,
В.А. Костин, директор лицея В.И. Дудкин*

Вот этими фотографиями, демонстрирующими внимательное отношение и современные возможности государства в деле воспитания молодого поколения, автор заканчивает свой рассказ. Но при этом выражает надежду, что настоящее и будущие поколения будут помнить, что во время послевоенного детства, когда наша страна, разрушенная войной, не имела возможности в полной мере обеспечить народ предметами первой необходимости, дала молодежи лучшее в мире образование. Такое образование получили и те выдающиеся ученые, упомянутые в этой книге, чьи труды занимают важное место в деле укрепления экономической мощи и обороноспособности нашей страны.

Содержание

Предисловие.....	2
Часть 1. п/я 20. «Факел» 1961.....	7
«Чижовка» («Чужовка») и первый футбольный мяч.....	8
Русская Журавка.....	15
СХИ.....	24
Виктор Николаевич Скачилов.....	41
Конструкторское бюро. «Факел».....	47
Куда же делись 18 лет истории нашего «Факела».....	60
О роли В.Н. Скачилова в этой истории.....	66
Часть 2 математики-созидатели и футбол.....	69
ВГУ. Красносельские.....	70
О моем учителе С.Г. Крейне.....	74
Зимние математические школы С.Г. Крейна.....	82
Проблемы семидесятых.....	88
КФА и П.Е. Соболевский.....	96
Снова КБ «Химавтоматика» и футбол.....	99
Сергей Георгиевич Валюхов и кафедра математического моделирования.....	102
АО «Турбонасос» - друг науки, образования и спорта.....	107